

Ярославская государственная медицинская академия
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(ГБОУ ВПО ЯГМА Минздрава России)
Кафедра истории и философии

На правах рукописи

ПИЛЕЦКИЙ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

**ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК АГРЕССИВНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ**

Специальность: 09.00.08 – философия науки и техники

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора философских наук

Ярославль - 2015

Работа выполнена на кафедре истории и философии Ярославской государственной
медицинской академии

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Гуревич Павел Семёнович

Институт философии РАН

доктор философских наук, профессор

Назаретян Акоп Погосович

Институт востоковедения РАН

доктор биологических наук, профессор

Олескин Александр Владимирович

МГУ им. М.В. Ломоносова, биологический факультет

Ведущая организация – кафедра философии и методологии науки философского
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Защита состоится _____ года в _____ часов на заседании диссертационного совета
Д.002.015.03 при Институте философии Российской академии наук по адресу: 119991,
г. Москва, ул. Волхонка 14, строение 5, зал заседаний Учёного совета (к.524).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии Российской
академии наук, а также её текст доступен на его официальном сайте.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Е.О.Труфанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность выбранной темы предопределена всем ходом истории человечества. Века шли за веками, эпоха шла за эпохой, мирные эпизоды жизни чередовались с кровавыми, менялись правители, рушились империи, происходила даже смена целых общественно-экономических формаций, а проблема человеческой агрессивности и её сдерживания как была экзистенциально важна и остро значима, так остаётся и до сих пор. Без сомнения, она затрагивает самые основы нашего миробития, самые глубины нашего эмоционально-психологического восприятия и нравственного осознания своего места в этом мире и своих взаимоотношений с другими представителями рода человеческого.

При этом не меньшую актуальность несёт в себе необходимость подвергнуть специальной рефлексии предпосылочность данного исследовательского поля. Тот или иной набор взаимосвязанных предпосылок, предваряющих проведение полевого или теоретического изыскания, характерен не только для философа-аналитика, но и для учёного-эмпирика. Оттого-то они и называются «предпосылками», потому что предзадают некую «матрицу» видения объекта исследования, тот или иной ракурс его рассмотрения, предопределяют то, какие из аспектов его существования являются значимыми и важными, а также то, какими «ипостасями» своего существования он соразмерен бытию человека. Конечно, тут может скрываться целый арсенал устаревших «клише» и стереотипов, тянуться «шлейфом» багаж предрассудков и предубеждений, немало отягощающий работу добросовестного учёного. Но это только полдела. Тут таится ещё кое-что принципиально важное. Это примерно то же, что Томас Кун называл «парадигмальным видением» или что в «гештальт-психологии» обозначают как «гештальт-переключение». Здесь изменение точки зрения означает процесс отнюдь не метафорический, а вполне буквальный.

Когда говорят о предпосылках научного поиска, то чаще всего имеют в виду комплекс естественнонаучных, мировоззренческих и методологических предпосылок. Все они чрезвычайно важны, влиятельны и действительно во многом программируют работу естествоиспытателя, в особенности, работающего на стыке исследовательских областей (как в данном случае – на стыке комплекса биологических и гуманитарных дисциплин). Поскольку же мы говорим о философском анализе, то для нас особое значение приобретают именно последние две, то бишь мировоззренческие и методологические предпосылки. С их актуальностью и предельной остротой сталкиваешься буквально сразу, стоит лишь начать задаваться фундаментальными вопросами философской антропологии.

Ясно, что даже в том случае, когда человек увечит и умерщвляет другого посредством каких-либо примитивных орудий, то его деяние деструктивно и ведёт нередко к бессмысленному и ненужному страданию. Однако подобного рода стычки и кровавые эксцессы чаще всего локальны и не могут представлять угроз человечеству в целом. А вот использование для реализации своих агрессивных импульсов современного, несравненно более мощного вида вооружений в состоянии спровоцировать не только крупномасштабный региональный конфликт, но даже и глобальную катастрофу. Сегодня, как известно, имеется ограниченный список стран (так называемый «ядерный клуб»), обладающих мощным арсеналом оружия массового поражения, который может не только уничтожить человеческую цивилизацию, но и попросту стереть с лица Земли всё живое. К сожалению, надлежит признать, что ещё большее число государств вынашивают планы, чтобы, по возможности, приобщиться к этим «избранным» нациям, тем самым внося существенную долю дестабилизации и в без того весьма беспокойный мир. К тому же – ещё один негативный фактор современной ситуации – чтобы в немалых объёмах наладить изготовление некоторых видов оружия массового поражения в нынешнее время требуется не так уж много финансовых, материальных и людских ресурсов (к примеру, что касается химических, биологических и бактериологических боеприпасов) и не нужно особенно глубокого и квалифицированного технологического познания. И данное обстоятельство, с учётом международной напряжённости и превращения терроризма в глобальную проблему, существенным образом усугубляет ситуацию и трансформирует насущную потребность комплексного изучения человеческой агрессивности в задачу чрезвычайной важности.

Перед лицом этих вызовов и в свете указанных тенденций приходится констатировать, что конфликты разного уровня (межиндивидуальные, межгрупповые, межэтнические, межнациональные, межрелигиозные и т.д.), а также упорные попытки их насильственного разрешения следует отнести к разряду наиболее насущных и взрывоопасных тем, с необходимостью обсуждения и безотлагательного принятия взвешенных решений по которым сегодня столкнулась человеческая цивилизация. Естественно в этой связи возникает ряд вопросов: в каких, собственно, типах ситуаций и отчего индивиды ведут себя агрессивно; каков тот набор источников, моторных механизмов и ключевых элементов стимульного средового кондиционирования, высвобождающего потенциал агрессии, а также в чём могут состоять те меры, которые с необходимостью должны быть приняты, чтобы можно было предотвращать или хотя бы брать под контроль развёртывание агрессивного поведения? Эти и подобные им вопросы волновали лучшие умы рода человеческого в продолжение многих и многих столетий, что выливалось в попытки их рассмотрения с

самых разных исходных позиций – с рубежей мифологии, религии, литературного творчества и философии. При этом лишь где-то со второй половины прошлого века данная проблематика стала предметной областью систематических научных исследований. Традиционно погружение в эту тему порождает куда больше вопросов, нежели внятных ответов. Тем не менее, нельзя отрицать и несомненного прогресса в этом непростом познавательном устремлении человечества, и сегодня нам уже кое-что открылось относительно истоков и природы человеческой агрессивности, по крайней мере, существенно больше, чем мы знали несколькими десятилетиями раньше.

При этом сразу хочу оговориться во избежание будущих возможных недоразумений относительно локализации предмета данного диссертационного исследования. Он весьма точно определён. Признавая актуальность и правомочность самого широкого гуманитарного подхода к проблематике, связанной с агрессивностью человека, всё же надлежит констатировать, что задачу исследования многочисленных концепций из сферы психоанализа и психиатрии, социологии и культурологии, криминалистики и юриспруденции я себе не ставил. А вот тот комплекс проблем чрезвычайной сложности и чрезвычайной значимости на стыке философии биологии и философской антропологии, который был вскрыт двумя мощными и влиятельными направлениями биологической науки (этологией и социобиологией) в изучении феномена человеческой агрессивности, а также анализ тех направлений современного социально-гуманитарного знания, в которых были выработаны альтернативные им подходы, – это и была непосредственная цель моего анализа.

Обыденный язык слову «агрессия» придаёт смысловое значение множества самых различных деяний, что вызывают нарушение физической или психической целостности другого индивида (или группы индивидов), приносят ему материальный урон, являются препятствиями реализации его желаний и устремлений, ущемляют его интересы или же прямо направлены на его уничтожение. Подобного рода широкая палитра антисоциального оттенка вынуждает отнести в одну и ту же категорию столь разнокачественные социальные феномены, как семейная ссора и военный конфликт, детская потасовка и криминальные «разборки», предъявление упрёков и умышленное лишение жизни, исполнение наказания и гангстерский разбой. Однако употребление мотивационно-психологического анализа человеческой деятельности не может не предполагать не только фенотипической, но и генотипической дифференциации данных явлений. При этом, когда в сфере внимания оказываются действительно агрессивные действия, необходимость выяснения средовых факторов, стимулирующих их совершение, представляется особенно актуальной и сложной задачей. Равно как и в ситуации, когда налицо иного рода социальные мотивации, индивид,

осуществляя агрессивный акт, чаще всего расположен не просто реагировать на какой-либо специфический средовой паттерн, но обнаруживает себя соучастником запутанной предыстории целой цепи развёртывающихся событий, что принуждает его подвергать оценке вектор намерений других индивидов, а также последствий своих собственных действий. Поскольку же большинство (хотя и не все) видов агрессивных поступков подпадает под регуляцию моральных норм и социальных санкций, то это заставляет исследователя еще брать в учёт целый спектр многообразных заторможенных и завуалированных форм агрессивного поведения. В проявлении агрессии индивид демонстрирует свои эмоции и намерения грубым, угрожающим, нападающим, требовательным или враждебным образом. Он пренебрежителен к правам других людей или открыто нарушает их. Как правило, о чувствах и правах другого индивида, который оказался в роли объекта агрессивных устремлений, мало пекутся или они вообще попросту игнорируются. И нередко индивид, что стал вести себя агрессивным манером, осознаёт и берёт в расчёт крайне усечённую толику возможной ответственности в плане последствий своих деяний.

Более того, обнаружилось, что индивиды существенно разнятся друг от друга в степени развитости предрасположенности к агрессии. Вариативность в уровне проявления агрессивности, как онтогенетически устойчивая индивидуальная характеристика, детерминирована не только внешним и внутренним кондиционным набором развития, но, без сомнения, и некоторым наследственным биологическим базисом в виде определённых задатков. Каково пропорциональное соотношение по вкладу, который привносит генотип и среда в вариации проявлений агрессии у индивидов, влияние каких именно генов и кодируемых ими белков ведёт к межиндивидуальному различию в склонности к агрессивному поведению, в чём специфика тех психомоторных механизмов, что опосредуют такого рода влияние – вот лишь весьма не полный перечень актуальнейших вопросов, которые напрямую обращают нас к источникам человеческой агрессии и её месту в психофизиологическом портрете личности, что, бесспорно, также является архиважным в задаче раскрытия сущности агрессивности человека.

При этом стоит помнить, что изучение человеческой агрессивности имеет давнюю историю. При этом всё многообразие, вариативность спектра постулатов, мнений и мировоззренческих позиций можно условно приурочить к двум полюсам, к двум принципиально разным подходам: религиозно-мифологическому и сциентистскому. Первый представлен целой гаммой легенд, мифов, сказаний, религиозных догм, в эпической форме повествующих, поясняющих, что с момента своего сотворения миром правят две космические силы, два космических начала – тёмное и светлое, злое и доброе, деструктивное

и конструктивное. Более того, сама человеческая душа – арена противостояния, поле битвы этих двух противоположных сил, этих двух противоположных начал.

Действительные исследования человеческой агрессивности проистекают из целого сонма биологических теорий, от ламаркизма и дарвинизма до современной генетики человека. Под «действительностью» тут понимается научность. Упор в них делается, во-первых, на вскрытии и причинном объяснении эволюционной генеалогии агрессивного поведения и, во-вторых, на изучении гормонально-генетической «подкладки» тех поведенческих образцов, что принято относить к агрессии. Ясно, что если мы утверждаем, что вид *Homo sapiens* – хоть и «венец» творения Природы, но всё же лишь одно из звеньев в общей эволюционной цепи животных видов, то тем самым мы обязываем себя выискивать и скрупулёзно исследовать именно те эволюционно-адаптивные механизмы и образцы индивидуального и коллективного поведения, которые либо повышают степень и уровень индивидуального и популяционного выживания и воспроизводства, либо, напротив, их понижают. А раз образцы агрессивного поведения демонстрируют все животные виды, включая и *Homo sapiens*, то, с одной стороны, это означает, что агрессия имеет свою эволюционно-биологическую значимость, а, следовательно, и оправдание, и, с другой стороны, значит, что есть человеческая родословная и человеческая топограмма агрессивности, чрезвычайно важные в плане самопознания, в плане упорядочивания социальной организации и в плане выстраивания межличностных отношений.

Итак, поскольку уже в самом названии темы рассмотрение проблемы агрессивности явным образом ограничивается рамками науки, то анализ этологии, социобиологии, а также целого ряда концепций из сферы общественных наук, как наиболее значительных и результативных попыток реализации сциентистской парадигмы по изучению феномена агрессивности, включает в себе не только немалый мировоззренческий и методологический интерес со стороны философии, но и несёт собой изрядную долю эвристики в деле претворения в жизнь легендарного сократовского гносеологического кредо – «Познай самого себя!»

Степень разработанности проблемы. Необходимо отметить, что степень разработанности проблемы напрямую зависит от трёх факторов: во-первых, от того, в какой мере изучению проблемы человеческой агрессивности уделено внимание в исследованиях самих этологов и социобиологов, во-вторых, от того, в какой мере изысканиям этологов и социобиологов по проблеме человеческой агрессивности нашлось место в критических работах в основном, конечно, отечественных, но и зарубежных философов, и, в-третьих, от того, в каких концептуальных формах проблематика человеческой агрессии нашла своё

выражение и воплощение в исследовательских разработках зарубежных и отечественных специалистов из сферы социально-гуманитарного знания.

Что касается первого, то надлежит указать, что проблеме животной агрессивности вообще и человеческой в частности уделялось немалое и серьёзное внимание в трудах виднейших этологов и социобиологов XX столетия. Даже в тех случаях, когда данная тематика не была профилирующей в их исследованиях, ей находилось достойное место в их концептуальных построениях в виде соответствующих разделов и параграфов. Среди них необходимо назвать такие имена, как М.Смит, Дж.Кларк, Д.Мак-Фарленд, Р.Ардри, Д.Крук, Р.Докинз, Э.Эванс-Причард, Г.Борджиа, И.Эйбл-Эйблсфельдт, Н.Тинберген, К.Лоренц, М.Рейсс, Р.Александр, Д.Бэрэш, Р.Триверс, М.Рьюз, Ч.Ламсен, А.Гушурст, Э.Уилсон. Нельзя не упомянуть в свете рассматриваемой проблемы целую плеяду выдающихся теоретиков советской школы биологии, таких как Д.К.Беляев, И.И.Шмальгаузен, Л.В.Крушинский, Н.А.Бернштейн, а также весьма заметных представителей новоявленной российской этологии, таких как В.Р.Дольник, А.И.Протопопов и А.В.Вязовский. Следует заметить, что работы всех этих авторов, где тем или иным образом поднималась и обсуждалась проблема человеческой агрессивности, нашли своё отражение в данном диссертационном исследовании.

Что же касается второго, то нужно констатировать, что в работах отечественных и зарубежных философов по их критическому анализу теоретических разработок этологов и социобиологов по антропологической проблематике изучению именно человеческой агрессивности, как, наверно, никакой другой проблеме, уделено самое пристальное внимание, и оно подвергнуто самому тщательному разбору. Среди них, в первую очередь, следует назвать Н.П.Дубинина, И.Т.Фролова, В.П.Эфроимсона, П.С.Гуревича, А.П.Назаретяна, Ю.Г.Шевченко, Б.Г.Юдина, Р.С.Карпинскую, Е.Н.Панова, И.П.Меркулова, С.А.Никольского, С.А.Пастушного, В.Н.Игнатьева, Д.А.Алтмышбаеву, И.И.Карпец, В.Н.Кудрявцева, И.К.Лисеева, А.П.Огурцова, И.Н.Смирнова, А.Б.Толстова, Л.В.Фесенкову. Из зарубежных авторов в этой связи уместно вспомнить Г.Стента, Л.Ханмана и, конечно же, В.Холличера. Следует также подчеркнуть, что аналитическая работа в отношении этологии и социобиологии всех этих указанных авторов также нашла своё должное отражение в данном диссертационном исследовании.

Что касается третьего, то необходимо отметить, что именно в сфере социально-гуманитарного знания, как ни в какой другой из сфер человеческого познания, нашла своё творческое воплощение и реализацию основная масса всех созданных концепций по изучению феномена агрессии человека. В данном диссертационном исследовании нашли своё отражение

и должный анализ работы таких зарубежных специалистов, как Э.Фромм, Дж.Доллард, Н.Миллер, А.Бандура, А.Х.Басс, С.Фешбах, Д.Ф.Коннор, Х.Тош, Р.Д.Уолтерс, Р.Д.Парк, В.А.Кейн, А.А.Бентан, Ф.Зимринг, Р.Р.Сирс, С.Глюк, Х.Хекхаузен, Д.Зильманн, А.Айхорн, Д.Креч, Р.Кратчфилд, Н.Лифсон, М.Раттер, В.Клайн, М.Груттер, Р.Корнинг, А.Такахаша, Д.Г.Майерс; а также таких отечественных авторов, как А.В.Олескин Т.Г.Румянцева, А.А.Реан, Н.М.Платонова, Ю.Б.Можгинский, Т.Б.Дмитриева, Б.В.Шостакович, В.В.Горинов, Ф.С.Сафуанов, Г.Э.Бреслав, Е.О.Смирнова, Г.Р.Хузеева, А.К.Осницкий, М.В.Алфимова, В.И.Трубников, В.С.Журавлёв, А.Ю.Дроздов, И.Б.Бойко, Ю.М.Антонян.

Объектом исследования является феномен агрессивности человека как синтетическое единство порождающих его наследственных и средовых факторов.

Предметом исследования является комплекс естественнонаучных и философско-методологических предпосылок человеческой агрессивности, выявляемых в анализируемых этологических, социобиологических и современных социально-гуманитарных концепциях, рассматривающих данный феномен.

Цель диссертационного исследования. Исходя из вышеуказанных предварительных замечаний, определяется и основная цель диссертации. Она состоит в том, чтобы провести системный и комплексный сравнительный анализ методологических и общетеоретических подходов и установок этологического, социобиологического и социально-гуманитарного изучения феномена человеческой агрессивности, тех мировоззренческих заключений и следствий, которые они в себе несут и собой индуцируют, а также тех вполне практических рекомендаций и выводов по обузданию человеческой агрессивности, которые они предполагают.

В соответствии с поставленной целью формулируются следующие задачи исследования:

1. провести экспликацию специфики и своеобразия гносеологического инструментария этологии как науки о поведении;
2. обстоятельно проанализировать через призму философских оснований сущность и мировоззренческое значение концепции К.Лоренца об агрессивности;
3. выявить в ракурсе мировоззренческих и методологических предпосылок теоретический вклад работ Н.Тинбергена в анализ образцов агрессивного поведения в виде разработки так называемой «иерархической модели»;
4. дать в плоскости сравнительного анализа мировоззренческих и методологических предпосылок развёрнутый анализ того, в чём состояла суть усовершенствования И.Эйбл-Эйбесфельдтом «импульс-разрядной» модели толкования агрессивности;

5. провести комплексный анализ по линии исследования философских оснований того теоретического вклада, что внесла советская школа биологии в изучение животной и человеческой агрессивности, а также того, в каких концептуальных формах данная тематика предстала в работах российских этологов, начиная с 90-х годов XX столетия;

6. . вскрыть естественнонаучные, мировоззренческие и методологические предпосылки социобиологического изучения агрессивного поведения;

7. выяснить по линии философских оснований те пункты преемственности, что роднят и сближают этологический и социобиологический подходы в изучении феномена агрессивности, а также те принципиальные сдвиги, что несёт в себе классическая социобиология, и которые существенным образом отличают эти две исследовательские программы;

8. тщательно проанализировать через призму естественнонаучных, мировоззренческих и методологических предпосылок суть теории генно-культурной коэволюции в её экстраполяции и использовании по задаче более глубокого проникновения в существо феномена человеческой агрессивности;

9. провести анализ того, по каким мировоззренческим и гносеологическим основаниям велась критика этологических и социобиологических изысканий по исследованию феномена агрессивности со стороны марксистской теории;

10. подвергнуть системному аналитическому разбору то, в каких теоретических формах на базе соответствующих им мировоззренческих и методологических предпосылок в рамках современного социально-гуманитарного знания были выработаны альтернативные этологическому и социобиологическому подходам варианты исследования и интерпретации сущности и проявлений человеческой агрессивности.

Методологические основы исследования

Используемые в работе познавательные средства и приёмы, выполняющие функцию общей методологии исследования, целесообразно разделить на пять групп:

во-первых, это блоки категорий традиционного философского анализа, служащие его исходными методологическими предпосылками, совершенно необходимыми для понимания предмета;

во-вторых, это понятийный аппарат эволюционной биологии, этологии, экологии и генетики в его приложимости к комплексному изучению животной агрессивности вообще и человеческой в частности;

в-третьих, это методы традиционного историко-философского характера, позволяющие вычленять и анализировать содержательные фрагменты в рассматриваемом

учении в увязке с общим контекстом изложения, не нарушая логики и лейтмотива концепции;

в-четвёртых, это метод сравнительного анализа, позволяющий выявлять существенные моменты отличий исследуемых концепций, если они принадлежат к различным философским направлениям, а также фиксировать общую основу и специфические черты тех теорий, которые относятся к единой философской традиции;

в-пятых, это методы и принципы общенаучного характера, приобретающие специфическое звучание и особую значимость в рамках решения исследовательской задачи. Речь идёт о таких познавательных процедурах, как гипотеза, аналогия, метафора, экстраполяция и др.

Положения, выносимые на защиту

1. Ориентация на поиск в поведении инвариантных образцов и исследование их как имеющих эволюционно-адаптивную природу и базирующихся на генетически обусловленных (инстинктивных) компонентах, что выступает своеобразием гносеологического инструментария этологии по изучению феномена агрессивности, явным образом недоучитывает специфику человеческого существования и являет собой реализацию редукционистской парадигмы.
2. Концепция К.Лоренца по толкованию человеческой агрессивности представляет собой теоретический конструкт «гидравлической», или «импульс-разрядной», модели, которая, с одной стороны, отрицает возможность существования межвидовой агрессии, а с другой стороны, «биологизирует» взаимоотношения между людьми, пренебрегая социально-экономическими и политическими причинами войн и конфликтов и недооценивая роль социально-культурных факторов по их недопущению и урегулированию.
3. «Иерархической модель» Н.Тинбергена по интерпретации агрессивных образцов поведения являет собой модернизированный вариант «гидравлической», «импульс-разрядной», модели» с акцентом выделения взаимодействующих центров инстинктивной активности, но с охранением всего гносеологического базиса редукционистской программы и в первую очередь – абсолютизации метода аналогии.
4. Усовершенствование И.Эйбл-Эйбесфельдом «импульс-разрядной модели» толкования человеческой агрессивности заключается, с одной стороны, в сохранении всей прежней этологической «инстинктивистской» базы со всеми её недостатками, но, с другой стороны, в постулировании межвидовой агрессии и

специфичного для человека «культурного псевдовидообразования», а также привнесении в неё идеи врождённых филогенетических механизмов по контролю за агрессией.

5. Характерной чертой инструментального базиса классической социобиологии по исследованию человеческой агрессивности является преобладание эволюционных подходов и установок по её изучению, что выразилось в приверженности поиску поведенческих «инвариантов», следствием чего выступают реликты необоснованных экстраполяций из мира животных на мир человека.
6. Дистанцирование классической социобиологии от «инстинктивистской модели» понимания феномена человеческой агрессивности выразилось, с одной стороны, в признании большей роли её социокультурных детерминант, но, с другой стороны, в абсолютизации одного из её аспектов – как филогенетически эволюционирующего образца, действующего как «концентрато-зависимый фактор» по контролю за ростом популяции.
7. Теория генно-культурной коэволюции несёт в себе безусловную содержательную новацию и представляет собой значительно более усовершенствованную модель, пытающуюся учитывать взаимодействие наследственной и средовой компоненты при изучении образцов социального поведения человека вообще и агрессивности в частности.
8. Все из проанализированных концепций, представляющих сферу социально-гуманитарного знания, были солидарны в признании чрезвычайной актуальности, теоретической важности и практической насущности исследования феномена человеческой агрессивности с целью вскрытия его сущности, функционирования, механизмов его активации, провоцирующих ситуаций, высвобождающих его импульсы, а также способов их цивилизованного сдерживания и сублимации в более конструктивное (или хотя бы в менее деструктивное) русло.

Научная новизна исследования

1. Специфика гносеологического аппарата и методологии эволюционного исследования выявлена и проанализирована в новом ракурсе – в её приложимости к изучению человеческой агрессивности.
2. Концепция К.Лоренца об агрессивности человека представлена и проанализирована в новом исследовательском свете: не только в полном её объёме и в высшей степени детально, но и в более широком контексте биологически ориентированного подхода в изучении человеческой природы.

3. Проведён анализ содержательного вклада Н.Тинбергена в этологическую программу изучения агрессивности под новым углом зрения, т.е. посредством экспликации специфики категориального аппарата и её методологии, а также более широкой экстраполяции разработанной им «иерархической модели».
4. Предложен новый взгляд творческим новациям И.Эйбл-Эйбесфельдта – дан развёрнутый и обстоятельный анализ философских оснований и сути той усовершенствованной модели толкования человеческой агрессивности, что была им привнесена в этологию.
5. Проведён комплексный критический анализ естественнонаучной и мировоззренческой преемственности, а также особенностей методологии и познавательного инструментария классической социобиологии в их сравнении с этологическими аналогами.
6. Концепции основоположника социобиологии Э.О.Уилсона о человеческой агрессивности придано новое видение – она представлена и проанализирована не просто в полном объёме и в деталях, но и высвечена как логично встроенная в общую парадигму социобиологического исследования человека.
7. Проблема эволюции и сущности человеческой агрессивности представлена и проанализирована в свете теории генно-культурной коэволюции как дальнейшего, и на сегодняшний день – последнего, варианта развития социобиологической исследовательской программы по изучению природы человека.
8. Критика этологической и социобиологической программы по изучению человеческой агрессивности со стороны марксистской теории проанализирована под новым углом зрения: как определённая альтернатива двух позиций – «ортодоксальной» и «более умеренной».
9. Специфика проблемы агрессии человека представляется и увязывается с более широким базисом фундаментальных исследований таких выдающихся советских биологов, как Д.К.Беляев, И.И.Шмальгаузен, Н.А.Бернштейн и Л.В.Крушинский.
10. Дан развёрнутый аналитический разбор работ современных российских этологов, таких как Е.Н.Панов, В.Р.Дольник, А.И.Протопопов и А.В.Вязовский, с точки зрения анализа их естественнонаучных и методологических предпосылок в подходе к проблеме человеческой агрессивности.
11. Проведён системный и обстоятельный анализ исследований по проблеме человеческой агрессивности в сфере социально-гуманитарного знания: в психологии («фрустрационной» теории Дж.Долларда и Н.Миллера, «инструментальной» теории

А.Бандуры, «синтетической» теории Л.Берковица, Р.Бэрона и Д.Ричардсон, работ современных российских психологов), социологии девиантного поведения и биополитике.

12. Проведён комплексный анализ теории нелинейного развития Мегаистории, представленной А.П.Назаретяном, через призму системного исследования феномена агрессии, играющего центральную роль в её генезисе и фазовых переходах от одного качественного состояния к другому.

Научно-практическая значимость исследования

Результаты данного диссертационного исследования могут быть использованы в практике общественного и частного образования и воспитания, в формировании идеологической стратегии СМИ, а также политических и общественных движений всех уровней. Автор полагает, что более глубокое и всестороннее знание сущности человеческой агрессивности, её моторных механизмов, стимульных ситуаций её высвобождающих, вероятных способах её проявления и возможных мерах её обуздания может быть не только чрезвычайно важным, но и чрезвычайно полезным в плане избегания многих социальных и экзистенциальных коллизий и конфликтов, а также в плане мудрой организации вариантов и форм межнационального, межэтнического, межрелигиозного, межкультурного, межличностного общения и взаимодействия.

Материалы диссертации могут быть использованы при чтении соответствующих тем общего курса «Философия», а также спецкурсов по эволюционной эпистемологии, философской антропологии и философским проблемам естествознания.

Апробация работы происходила в форме обсуждения общей концепции автора и отдельных положений и выводов исследования на заседании кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии.

Основные результаты исследования отражены в девяти монографиях и других научных публикациях. По теме диссертации опубликована 91 работа общим объёмом 117,5 печатных листа.

Теоретические положения диссертационного исследования были изложены в выступлениях автора на конференциях и семинарах разного уровня. Среди них Всероссийская научная конференция «Культура и цивилизация» (Екатеринбург, 2001), Всероссийская научная конференция, посвящённая 270-летию со дня рождения П.Г.Демидова (Ярославль, 2008), Международная научная конференция «Философия В.С.Соловьёва в истории мысли и современных дискуссиях» (Иваново, 2008), Всероссийская научная конференция «Философия или новое интегративное знание?»

(Ярославль, 2008), Международная научная конференция «Оправдание культуры в творчестве В.С.Соловьёва и в русской философской мысли» (Иваново, 2009), круглый стол «Проблемы преподавания философии» (Ярославль, 2009), Всероссийская научная конференция «Философия или новое интегративное знание – II» (Ярославль, 2011), Всероссийская научная конференция «Философия или новое интегративное знание – III» (Ярославль, 2013).

Структура диссертации включает введение, три главы, заключение и библиографический список. Глава первая состоит из шести параграфов, глава вторая – из четырёх параграфов, глава третья – из семи параграфов. Общий объём диссертации 506 страниц. Список использованной литературы включает 143 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы исследования, её актуальность, формулируется цель исследования и приводится перечень вытекающих из неё задач. Анализируется степень разработанности проблемы. Определяются методологические основы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, фиксируется научная новизна и научно-практическая значимость исследования. Приводятся основные формы апробации содержания диссертационного исследования, даётся общая характеристика структуры и объёма работы.

Глава I Этология о формах агрессивного поведения посвящена анализу тех методологических основ и мировоззренческих установок, что послужили фундаментом построения этологии как науки о поведении, а также выяснению сути основных этологических концепций по изучению животной агрессивности вообще и человеческой – в частности.

§1.1 Предыстория, специфика и своеобразие гносеологического инструментария этологии как науки о поведении. В начале параграфа объясняется, что интерес в рамках данного исследования к этологии заключается в том, чтобы высветить предысторию сциентистского изучения агрессивности, указать накопленный гносеологический арсенал приёмов и установок, а также мировоззренческих подходов и определения той содержательной и методологической базы, что потребуется в дальнейшем для проведения комплексного сравнительного анализа её с социобиологией и исследовательскими работами из сферы социально-гуманитарного знания в отношении интересующей проблемы. Указывается, что даже краткой исторической ретроспекции вполне достаточно, чтобы проиллюстрировать, что разработке сложнейших проблем поведения постоянно сопутствовало широкое обсуждение не только специально-научных, но и философских вопросов. Это тем более характерно для современной стадии развития науки, всё в большей мере рушащей междисциплинарные перегородки и выносящей на авансцену не только предметные области отдельно взятых наук, сколько проблемы, являющиеся общими для многих из них.

Показывается фундирование и закрепление естественнонаучного базиса будущей этологии в форме основополагающих идей, представленных в работах Э.Пфлюгера, Т.Лейкова, В.Карпентера, Г.Гельмгольца, П.Флуранса, П.Брока, Г.Фринча и Э.Гитцига, В.Вундта. Подчёркивается существенная значимость экспериментальной базы и теоретических установок школы академика И.П.Павлова в деле разработки учения об

условном рефлексе. Отмечается значимый вклад в изучение моторных механизмов поведения животных работ таких советских учёных, как А.А.Ухтомского и В.А.Вагнера. Выделяется специальным образом бихевиористское учение, явившееся следующим шагом в деле познания сущностных основ поведения животных и человека. И хотя в дальнейшем и этологи, и социобиологи будут весьма критически относиться к программным установкам бихевиоризма, но при этом к накопленной эмпирической базе, созданной исследованиями Э.Торндайка, Д.Б.Уотсона и Б.Ф.Скиннера, они будут относиться с уважением и не забывать отмечать это.

Однако непосредственное становление этологии как самостоятельной научной дисциплины, безусловно, связывается с теоретическими разработками двух выдающихся учёных, лауреатах Нобелевской премии в области биологии, – Конрада Лоренца и Николаса Тинбергена. Указывается, что основными методами этологии являются сравнительно-исторический (с помощью которого, сопоставляя формы поведения разных организмов, этологи реконструируют их филогенетическую историю и метод мысленной реконструкции пути и «щели» естественного отбора, что аналогично искусственному отбору селекционера), а также целостный подход, т.е. требование наблюдения организма как единой целостной системы до того, как с ней начинают эксперимент. Поясняется суть чрезвычайно значимого для этологии так называемого «телеономического метода», или «метода мысленной реконструкции». Особым образом подчёркивается, что одной из главных особенностей проводимых К.Лоренцем и Н.Тинбергеном, а также их последователями, была концентрация внимания на инвариантных поведенческих актах у различных таксономических единиц, впоследствии становящимися ритуализированными образцами. Отмечается также весьма активное использование этологами методов аналогии и редукции, что в дальнейшем будет подвергаться острой критике со стороны их оппонентов как приводящее к недопустимой антропоморфизации поведения животных и зооморфизации поведения человека.

§1.2 Сущность и значение концепции К.Лоренца об агрессивности.

Констатируется, что все указанные гносеологические принципы и методологические установки, согласно учению К.Лоренца, в полной мере относятся и к изучению феномена человеческой агрессивности. Обращаясь к анализу интересов К.Лоренца в сфере человековедения, нельзя не отметить, что изучение агрессивного поведения получило широкий отклик со стороны не только специалистов в области естествознания, медицины, психологии и т.д., но и философов. Дело в том, что, полагая агрессивию постоянным состоянием живого организма, Лоренц начал сопоставлять по этой линии поведение

животного и человека, тем самым произведя «экспансию» в сферу наук общественных. По его мнению, у человека агрессия в своей наиболее радикальной форме присутствует в виде «боевого энтузиазма» – особой инстинктивной реакции, сформированной в филогенезе и модернизированной в культурном развитии. Что касается механизма агрессивности как причины международных конфликтов и войн, то, согласно Лоренцу, он у животных и человека однотипен, что, безусловно, не может квалифицироваться иначе, как недопустимое упрощение проблемы.

А далее в параграфе идёт воссоздание и детальный анализ самой концепции К.Лоренца об агрессивности. Первым делом ставится вопрос по поводу того, в чём, собственно, польза агрессивности? Подчёркивается, что дарвинское выражение «борьба за существование» иногда ошибочно интерпретируется как борьба между различными видами. В действительности же, что имел в виду Ч.Дарвин и что действительно движет эволюцию – это конкуренция между близкими биологическими родственниками. Применительно к феномену агрессивности это означает, что подлинной агрессией можно считать отношения, складывающиеся между представителями одного и того же вида.

Второе, что в параграфе рассматривается и на что указывал К.Лоренц – это территориальность агрессивности. Кроме интересов социальной организации, требующей единения своих членов, существует явная целесообразность распространить особей данного вида по наличествующей зоне обитания столь равномерно, насколько это возможно. Опасности же перенаселения популяции, обосновавшейся на части данного биотопа, истощения всех его ресурсов, а следовательно, и голода можно избежать лишь взаимным неприятием и отталкивающим действием в отношении животных одного вида, производя регулярные пространственные расстановки наподобие того, как электрические заряды равномерно распределяются по сферической поверхности проводника. В этом, собственно, и есть наибольшая ценность для выживания от внутривидовой агрессивности.

Третье, что анализируется и что существенно важно для понимания агрессивности – её спонтанность. Знание того, что импульс агрессивности, согласно Лоренцу, – значимый видосохранительный инстинкт, позволяет уяснить в полной мере и его опасность: спонтанность инстинкта – вот что делает его столь опасным. Будь он просто реакцией на определённые внешние факторы, то положение человечества не было бы столь угрожающим, чем оно есть на самом деле, поскольку вызывающие реакцию стимулы с приличной долей успеха можно было бы элиминировать. Лоренц в этой связи ссылается на эксперименты, проведённые У.Крейгом по замеру пороговых оценок возбуждающих стимулов, а также

приводит целый ряд поясняющих, дидактических, примеров из жизни рыб, птиц, млекопитающих и людей, иллюстрирующих кумулятивность и спонтанность агрессивности.

Четвёртое, что подвергается анализу и что принципиально для понимания феномена человеческой агрессивности, – это наличие или отсутствие эволюционных сдерживателей, контролирующих агрессивность у различных животных и удерживающих их от увечья либо убийства своих сородичей. Эти эволюционные сдерживатели чрезвычайно важны и, следовательно, наиболее строго фиксированы и явно выделены именно у тех животных, которые в состоянии убивать живые существа примерно одного с ними размера. Ворон одним ударом клюва способен выклевать глаз другому, а волк разорвать яремную вену одной хваткой. Так что не было бы ни одного ворона, ни одного волка, если бы надёжные сдерживатели не препятствовали подобным действиям. Но ни голубь, ни заяц, ни шимпанзе неспособны убивать представителя своего рода одним клевком или укусом, а поскольку в естественных условиях возможность нанесения серьёзного ущерба одному из своих сородичей минимальна, то и не было никакого эволюционного селекционного давления для выработки и установления сдерживателей убийства. Проблема рода человеческого, по Лоренцу, в том, что у *Homo sapiens* не было и нет мощных естественных вооружений, как у многих других хищников, а, значит, и не было никакой эволюционной необходимости в выработке эволюционных сдерживателей агрессии.

Пятое, на чём фокусируется анализ и что усугубляет положение человечества – это, во-первых, при отсутствии эволюционных сдерживателей агрессивности наличие явного прогресса искусственных вооружений, облегчающих убийство и удерживающих человека от созерцания им содеянного, и, во-вторых, уже указанное явление «боевого энтузиазма». Перечисляется и рассматривается ряд ведущих стимульных ситуаций, провоцирующих и высвобождающих данный чрезвычайно опасный социальный феномен.

И, наконец, шестое, что в параграфе рассматривается и на чём акцентирует внимание К.Лоренц, – это способы и пути цивилизованного сдерживания и перенаправления накапливаемой и нуждающейся в выходе человеческой агрессивности. Дается оценка выделенного Лоренцем перечня мер, которые при всей их известности и очевидности всё же отнюдь не теряют своей значимости.

§1.3 Вклад работ Н.Тинбергена в анализ образцов агрессивного поведения. В параграфе указывается, что этологические идеи, а, значит, и тот естественнонаучный и мировоззренческий базис, а, значит, и те гносеологические и методологические предпосылки, что были заложены Лоренцем, получили дальнейшую разработку в исследованиях Николаса Тинбергена. Более того, Н.Тинбергеном в концептуальный

фундамент классической этологии были привнесены и существенные новации. В первую очередь речь идёт об определённом содержательном пересмотре базовой категории «агрессия». Если К.Лоренц понимал под агрессией «выплёскиваемую» накопленную злость, то Н.Тинберген начал уже акцентировать внимание и увязывать агрессию животных и человека с причинением ущерба своему контрагенту с целью либо заставить его подчиниться, либо ретироваться.. Немаловажно в этом то, что именно данный подход впоследствии не только будет ассимилирован, но станет, по сути, доминирующим не только в сфере психологии, но и во всём комплексе социально-гуманитарных дисциплин. Именно с «лёгкой руки» гуманитариев тинбергеновской интерпретации понятия «агрессия» будет придан статус «классически-этологического» его определения.

В параграфе обстоятельно анализируется в корреляции с лоренцевской разработанная Н.Тинбергеном так называемая «иерархическая модель поведения», которая, как считается, в большей степени учитывала набор физиологических данных, нежели прежняя – лоренцевская. Подвергается анализу также тезис Тинбергена, согласно которому эта созданная «иерархическая модель» оказалась не только пригодной, но и в большей степени адекватной для анализа форм животной агрессии. В связи с этим осмысливается выделенный Тинбергеном на базе этой модели целый ряд форм конфликтного поведения и сформулированная им гипотеза об их механизмах. Согласно гипотезе об «иерархии центров», управляющих отдельными поведенческими реакциями, инстинкт представляет собой завершённую иерархическую организацию поведенческих актов, адекватно реагирующую на определённый раздражитель чётко скоординированным комплексом действий. Причём изменение возбудимости «центров» под влиянием внешних и внутренних воздействий происходит в строго определённой последовательности.

Существенно и то, что модель Н.Тинбергена предусматривает возможность взаимодействия между «центрами» различных видов поведения. Дело в том, что случаи, когда животное продолжительное время занято каким-то только одним видом деятельности, является скорее исключением, чем правилом. Обычно одни виды деятельности сменяют другие. В соответствии с этим анализируется экстраполяция тинбергеновской модели применительно к феномену агрессии. Общность биологических оснований поведения, согласно Тинбергену, отмечается в явлениях «смещённой активности», «мозаичного движения» и «переадресованной реакции».

При этом следует подчеркнуть, что Тинбергена в большей мере занимало не само явление агрессивности как таковое, а то, как в эволюции живого возникла способность избегать конфликтов. Однако стремление мирно разрешать назревающие конфликты, как он

уверен, к сожалению, не характерно для человека. Человек, по мысли Тинбергена, – единственный вид на нашей планете, который является убийцей всемирного масштаба, и единственное существо, плохо приспособленное к своему собственному сообществу. Человек, по его мнению, подобен многим видам животных тем, что он борется внутри собственного вида, но отличается от них тем, что его борьба разрушительна. В отношении будущего человечества Н.Тинберген исповедует пессимизм, поскольку он настаивает, что ни культура, ни образование, ни воспитание не в состоянии положить конец или даже сколь-нибудь серьёзно минимизировать агрессивность человека. Такой пессимизм довольно логично следует из его убеждения в том, что биологические по своей природе сходные элементы поведения однозначно детерминируют идеологию и политику, нивелируют различия оборонительных и захватнических войн, в целом сводят буквально на нет сложнейшую социальную проблематику войны и мира.

В завершении параграфа констатируется, что «иерархическая модель» Н.Тинбергена не просто во многом покоится на прежнем исследовательском и методологическом фундаменте лоренцевской «импульс-разрядной» доктрины объяснения агрессивности, но и во многих своих отношениях не выходит за рамки общей «инстинктивистской» этологической парадигмы. Речь идёт о безусловной приверженности редукционистской исследовательской программе, что выразилось у Н.Тинбергена, как и у К.Лоренца, на поиск «инвариантов», единящих поведение животного и человека, на оправданность экстраполяции понятия «инстинкт» применительно к человеческому поведению, а также на полную обоснованность метода аналогии в сравнении животных и человеческих поведенческих образцов.

§1.4 Усовершенствование И.Эйбл-Эйбесфельдтом «импульс-разрядной модели» толкования человеческой агрессивности. В параграфе отмечается, что И.Эйбл-Эйбесфельдт создал развёрнутую и оригинальную концепцию интерпретации агрессивности вообще и человеческой – в частности. Она являет собой, с одной стороны, продолжение и развитие классически-этологической, то есть лоренцевской «импульс-разрядной», модели, но, с другой стороны, по нескольким пунктам её творческую ревизию. Но при этом, вне всякого сомнения, единящих эти две впечатляющие концепции пунктов несравненно больше, равно как и налицо безусловное принятие И.Эйбл-Эйбесфельдтом общей лоренцевской схемы толкования образцов агрессивного поведения. Речь также идёт о приверженности на поиск поведенческих «инвариантов», на редукционистскую методологию, на необоснованную экстраполяцию метода аналогии и пр.

Ключевой исследовательский вопрос может быть сведён к тому, является ли агрессивное поведение у животных и человека запрограммированным наследственными

факторами, и если да, то каким образом? Для этого И.Эйбл-Эйбесфельдт возлагал все надежды на открытия из области этологии, физиологии, антропологии и этнографии. Его личный вклад в накопление эмпирической базы для разрешения этой сложнейшей проблемы выразился в его неоднократных экспедициях к индейцам яномамё верхнего Ориноко, бушменов Калахари (Ко, Г-Уи и Кунг), племени химба юго-западной Африки (Намибия), различных папуасских племён (кукукуку, войтапмин, медппа, дарибби, эйпо и биами), вальбири и пинтуби центральной Австралии, жителей Бали и др.

Согласно Эйбл-Эйбесфельдту, сравнение процессов филогенетической и культурной адаптации обнаруживает поразительное сходство между ними, что во многих случаях может быть рассмотрено как результат селективного давления, действующего в одном направлении. Это становится особенно очевидным, если сравнить биологические и культурные образцы по контролю над агрессией. Его аргументация выстраивается следующим образом: человек по самой своей природе склонен к агрессии, но его совесть и здравый рассудок позволяют ему обуздывать данные импульсы. Можно поэтому говорить о концепции «укрощённого зверя». Суть основного тезиса И.Эйбл-Эйбесфельдта в том, что и агрессивное, и альтруистическое поведение программированы соответствующими филогенетическими адаптациями, что, в свою очередь, предопределяет нормы нашей этики. По его разумению, человеческий агрессивный импульс сбалансировано уравновешивается равно глубоко укоренёнными социальными тенденциями. Так что не только условия определённой окружающей среды программируют нас быть добрыми, мы, полагает Эйбл-Эйбесфельдт, добры и по нашей естественной склонности.

Оружие само по себе, согласно И.Эйбл-Эйбесфельдту, – это определённо крайне важный фактор для развития деструктивной агрессии. Техника вооружений смогла во многом провести и обойти наши врождённые запреты. Это тем более вероятно, если убийство будет произведено с дистанции, скажем, применением лука и стрел, не говоря уже об огнестрельном оружии. Данный тезис звучит вполне в унисон развёртыванию лоренцевской модели. Но вот дальше И.Эйбл-Эйбесфельдтом была произведена та самая концептуальная ревизия, о которой мы упоминали. По Эйбл-Эйбесфельдту, мы должны ясно понимать, что внутригрупповая агрессия, несмотря на всё наличие вооружений, редко становится уничтожительной. Но вот межгрупповая агрессия, или война, – уже по самому своему существу сугубо деструктивна и должна, следовательно, по его словам, иметь совершенно иной базис. И в ней уже ключевую роль играет «культурное псевдовидообразование» (терминология Эйбл-Эйбесфельдта). Тот факт, что какая-то часть людей исключается из своей принадлежности роду человеческому, тут же переводит

конфликт как бы на межвидовой уровень, а вот уже межвидовая агрессия, как правило, деструктивна и в животном мире тоже. По его разумению, над биологическим нормативным «фильтром», сдерживающим деструктивную агрессию, у человека располагается культурный нормативный «фильтр», напротив, приказывающий нам убивать. Так что важный пункт, которые никогда не нужно упускать из вида, это то, что война на уничтожение – результат именно культурной эволюции.

Тем самым обстоятельный анализ двух концепций (К.Лоренца и И.Эйбл-Эйбесфельдта) ясно вырисовал суть основного их отличия по проблеме животной и человеческой агрессии. Если К.Лоренц считал истинной агрессией лишь отношения между представителями одного и того же вида, а межвидовую агрессию он в таком статусе вообще не признавал, то И.Эйбл-Эйбесфельдт не только видел межвидовую агрессию в статусе таковой, но и полагал, что процесс «культурного псевдовидообразования», что характерно только для человека, и являет собой специфический аналог межвидовой агрессии. И в этом-то как раз и заключена высочайшая деструктивность и опасность войн.

В заключении параграфа приводится сводная таблица, которая заключает собой видение И.Эйбл-Эйбесфельдтом генезиса агрессивности в царстве животных и в мире человека, фокусируя основное внимание на образцах контроля над агрессией в обеих этих сферах. Данная таблица показывает, за счёт чего избегаются деструктивные конфликты в мире земной фауны и во внутригрупповых и межгрупповых отношениях *Homo sapiens*.

§1.5 Феномен животной и человеческой агрессии в исследовательских разработках современных российских этологов. Параграф начинается с констатации того, что в рамках рассмотрения этологической программы изучения феномена агрессивности было бы не целесообразно, не уместно, да и не справедливо игнорировать тот факт, что в последние два-три десятилетия оформилось, «встало на ноги» и всё больше заявляет себе российское подразделение данной отрасли биологии. Указывается, что ещё советской школой биологии были заложены традиции, созданы мощные школы, накоплен богатейший эмпирический материал, на основе которого создавались оригинальные теории, исследующие поведение животного (на основе инстинктивных образцов и образцов индивидуального научения) с соотнесением этого знания с поведением человека в рамках общей эволюционной доктрины. Речь идёт, в частности, о теории условного рефлекса И.П.Павлова, о проделанной Д.К.Беляевым теоретической разработке генетических основ селекции диких животных и обоснованию путей по наследственной перестройке у них репродуктивной функции в процессе их одомашнивания, теории «стабилизирующего отбора», сформулированной И.И.Шмальгаузенем, теоретических разработок, вскрывающих физиологический базис и

моторику человеческой активной деятельности (в том числе и агрессивной), выдвинутых Н.А.Бернштейном, концептуальных построений по исследованию закономерностей при формировании животного поведения в плоскости «норма-патология», предложенных Л.В.Крушинским.

Однако, как отмечается, было бы неверным воспринимать «когорту» современных российских этологов как наследников той ещё советской школы биологии и тех теоретических построений, которые были наработаны той указанной нами плеядой выдающихся советских учёных. Причин тому много, не последней из которых явились приводящие факторы политического и идеологического характера. В своём стремлении низвергать всё то, что каким-либо образом могло ассоциироваться с марксистским учением, и освободиться от его прежних «оков» многие из ставших уже российскими биологов стали себя явным образом позиционировать преемниками вовсе не прежней советской школы биологии во главе с академиком И.П.Павловым и его учениками, а западноевропейской школы этологии во главе с К.Лоренцем и его последователями. При этом возник прерастранный феномен: многие из современных российских этологов в своём желании «развенчать» марксизм и сбросить с себя его «путы», пошли значительно дальше своих новоизбранных авторитетов в деле «биологизации» толкования человеческого поведения, в деле низведения его по многим параметрам до уровня животного. Это в полной мере касается и человеческой агрессивности. В подтверждении этого в параграфе рассматриваются и анализируются работы таких современных российских этологов, как В.Р.Дольник, А.И.Протопопов и А.В.Вязовский.

§1.6 Этология человека через призму философии марксизма. В параграфе указывается, что в работах приверженцев марксистской теории отнюдь не сразу и отнюдь не без идейной борьбы возобладала ставшая ныне уже практически общепризнанной доктрина биосоциальной природы человека. До 70-х годов прошедшего столетия в нашей стране господствовала и была непререкаемой ортодоксальная позиция, квинтэссенция которой выражена в знаменитой формуле К.Маркса «сущности человека как совокупности общественных отношений». Утверждалось, что *Homo sapiens* – единственное из живых существ на Земле, который в ходе своего развития смог вырваться из «пут» и императивов биологической эволюции и войти в безграничную фазу своего сугубо социального развития. А это значит, что движущие силы, моторные механизмы и законы дарвиновской эволюции на человека уже не распространяются. Подвергалось даже сомнению правомочность и обоснованность использования такого термина как «человеческая природа». Убеждённым приверженцем такой точки зрения в отечественной философии XX века был академик

Н.П.Дубинин и его единомышленники.

Альтернативную позицию, но что немаловажно – тоже в рамках марксизма, занимала другая группа советских философов, сплотившая вокруг другого академика – И.Т.Фролова. Они выступили оппонентами той «ортодоксальной», излишне социологизаторской концепции, когда комплексом воспитания и обучения объясняется вся гамма образцов поведения человека вообще и его агрессивного поведения – в частности. Они настаивали, что при общем принятии марксовской формулы всё же надлежит относиться к тезису о человеке как биосоциальному единству не чисто декларативно, не просто лексически увязывать одно с другим, говоря о диалектике биологического и социального, а серьёзно изучать – и прежде всего эти самые биологические предпосылки психики и поведения. Но это отнюдь не отменяет их критического отношения и к методологии редуциционизма, и методу непомерной, необоснованной аналогии, и к попыткам антропоморфизации поведения животных и зооморфизации поведения человека.

Так вот именно через призму этих двух оппонирующих позиций в рамках общей марксистской антропологической парадигмы в параграфе и идёт анализ критической базы и используемого для этой цели инструментария в отношении познавательной дееспособности этологии как науки о поведении. Приводятся и анализируются основополагающие тезисы марксистского разбора эмпирических и теоретических притязаний этологов, указывается авторы и их работы, где излагаются эти тезисы, подвергаются анализу и сопоставляются доводы, аргументы и контраргументы сторон по вычленению того, что ценного несут в себе этологические исследования, и, напротив, по фиксации того, что временем не подтвердилось и что ущербно как в концептуальном, так и в практическом плане.

Глава II Особенности гносеологической программы социобиологического исследования агрессивности животных и человека посвящена анализу того, какие новации несёт в себе социобиология, претендующая на формирование «новой науки о человеке», какова степень её преемственности от методологических установок этологии и как это отразилось на социобиологической исследовательской программе изучения животной и человеческой агрессивности.

§2.1 Естественнонаучные и методологические предпосылки социобиологического изучения образцов социального поведения. В данном параграфе уточняется, что есть общая социобиология и социобиология человека как составная её часть. Фиксируется, что, по мысли Э.О.Уилсона (основоположника этого направления), общая социобиология нужна для того, чтобы выделить из традиционной этологии собственно «общественные» формы поведения животных и исследовать их в эволюционно-генетическом аспекте. Для этого

предполагалось осуществить интеграцию различных разделов биологического знания – этологии, экологии, популяционной генетики, эволюционной биологии, а также, что немаловажно, привлечь и весь комплекс гуманитарных наук, способных, по его мысли, дать материал о формах общественного поведения человека. Подчёркивается, что цель общей социобиологии состоит в обнаружении и изучении путей развития характерных черт «социальной» организации сообществ живых организмов. Задачи же социобиологии человека связываются прежде всего с созданием «биограммы» человека, т.е. максимально полного описания природно-биологических основ его жизнедеятельности. Это описание необходимо, как считают социобиологи, чтобы выяснить, в какой степени человек адаптирован к современной культуре, а также определить присущие ему и неустранимые с помощью культуры «филогенетические черты». Проблема взаимосвязи природного и социального в человеке обозначается социобиологами как проблема генно-культурной коэволюции.

Отмечается, что убеждённость в существенной роли генетических факторов обусловила и подходы к проблеме природы человека. Согласно первоначальным представлениям Уилсона, человеческая природа трактовалась следующим образом: у него, как и у любого другого живого вида, не может быть целей, которые бы выходили за рамки его собственной биологической природы. И если человека нельзя считать «биологической машиной» во всех его проявлениях, то в нём всё же есть биологические механизмы, не допускающие определённых социальных действий, противных его биологической природе. «Миражи» не связанных с природой человека трансцендентальных целей, полагает Уилсон, должны быть отринуты. Человеку при этом, настаивают социобиологи, вобравшему в себе результаты эволюции тысяч поколений различных видов, приходится иметь дело со многими запрограммированными в нём биологическими предпосылками. Поэтому перед человеком стоит проблема выбора. Решая, по какому пути пойдёт развитие его природы, человек не должен забывать, что его специфические черты – лишь очень малая часть свойств природы других видов, что большинство стереотипных форм его поведения свойственно и другим живым существам, а во многих отношениях (например, в кооперации, разделении труда, альтруистическом поведении) люди существенно уступают сообществам насекомых. А, значит, определить ценность одних и вред других детерминирующих человеческое поведение врождённых характеристик возможно, лишь глубоко изучив эволюцию социального поведения всех остальных видов.

При этом в параграфе констатируется довольно любопытное противоречие. С одной стороны, социобиологи стараются в некотором роде дистанцироваться и от этологии как

специальной биологической дисциплины о поведении. Этологи наиболее пристально изучают поведение отдельного организма, включая действие его нервной системы и гормонов, в то время как социобиологи концентрируют внимание на более сложных формах «социального» поведения и организации целых сообществ. Для этого необходимо привлекать данные не столько анатомии и физиологии (как это делают этологи), сколько популяционной генетики и экологии. А вот уже далее информация о генетических, экологических и эволюционных аспектах поведения животного может быть использована при рассмотрении некоторых черт социального поведения человека. Но, с другой стороны, несмотря на все эти попытки дистанцирования, социобиологи весьма активно используют накопленный этологией гносеологический арсенал исследовательских средств и методов. Речь идёт, в первую очередь, всё о том же поиске инвариантных образцов социального поведения среди различных видов животных и человека, а также о методологических принципах редукционизма и аналогии.

§2.2 Классическая социобиология как контрапункт этологического понимания сущности агрессии. В начале параграфа даётся оценка принципиальной установки социобиологов на биологизацию этики, т.е. на биологизацию основ морального и безнравственного поведения. Указывается на те сложности как естественнонаучного, так и методологического характера, что с неизбежностью возникают при реализации их установки на биологизацию этики и ту явную неоднозначность реакции на их эти попытки со стороны философской общественности. В частности, речь идёт сформулированной Э.О.Уилсоном идеи о необходимости фокусирования внимания на изучении генетических основ поведения человека, о необходимости создания «антропологической генетики». По его мнению, имеющаяся генетическая компонента в индивидуальном и некоторых формах группового поведения человека во многих случаях разрушает наши представления о социальном поведении как якобы совершенно независимом от биологии человека. Он подчёркивает, что большинство стереотипных форм человеческого поведения свойственно и другим живым существам.

Далее в параграфе идёт представление и обстоятельный анализ развёртывания концепции генезиса человеческой агрессивности, данной классической социобиологией, т.е. в работах Э.О.Уилсона и поддержанной другими социобиологами (в частности, Д.Бэрэшем, М.Рьюзом, Д.Борджиа и Р.Александром). Указывается, что социобиологи не склонны рассматривать феномен агрессивности всецело в «инстинктивистском» ключе, как это делалось в работах К.Лоренца, Н.Тинбергена и И.Эйбл-Эйбесфельдта. Да и вообще отношение социобиологов в своём большинстве к категории «инстинкт» в её приложении к

спектру социальных характеристик человека сдержанно-скептическое. Подчеркивается, что социобиология предполагает, что наша наивысшая потребность – максимизация соответствия. И если мы хотим понять, скажем, человеческую агрессивность, нам следует, в первую очередь, изучить эволюционные издержки и выгоды, что предоставляет агрессивность при тех или иных обстоятельствах. Указывается, что в человеческом поведении есть лишь очень немного из того, что автоматизировано или является продуктом предельно упрощённых причин и следствий. В этой связи анализируется социобиологический тезис, что агрессивность – вовсе не результат ни инстинкта, ни неминуемого действия естественного отбора. Для особи агрессия – в высшей степени рискованное занятие и отнюдь не то, что может быть предпринято с лёгкостью. Некоторые из этих факторов коренятся в наших генах. Другие – в окружающей среде. Но в любом случае агрессивность человека не следует рассматривать как некий энергетический феномен, аккумулирующийся, периодически требующий разрядки и способный при отсутствии оной взрываться с минимальным понижением порогового стимула.

Социобиологами (и прежде всего Э.О.Уилсоном) предложена альтернативная, довольно любопытная концепция толкования человеческой агрессивности. Интерпретация завязана и вытекает из её первейшей и исконной функции – действия как своеобразного клапана по демографической регуляции вида, или, как они пишут, «концентрато-зависимого фактора» по контролю за ростом популяции. Совершенно очевидно, что здесь зависимость прямо пропорциональная: чем выше плотность населения, чем выше скученность популяции, тем выше степень демонстрируемой агрессии, и, соответственно, наоборот. При построении своей этой концепции Э.Уилсон использовал весьма обширный материал из области этнографии, представленный многими учёными. В частности, исследования по феномену агрессивности бушменов пустыни Калахари, малайских семаи, племён мундуруку и яномамё сельвы Амазонки и новозеландских маури.

Всё это дало возможность Уилсону сформулировать теоретический базис культурной эволюции агрессивности, которая направляется, по его мнению, сообща следующими тремя движущими силами: 1) генетической предрасположенностью в отношении научения определённым формам общественной агрессивности; 2) необходимостью, навязываемой окружающей средой и ощущаемой обществом; 3) предшествующей историей группы, склоняющей её в отношении принятия одной культурной новации в противовес другой.

§2.3 Теория генно-культурной коэволюции как содержательная новация в деле изучения человеческой агрессивности. В начале параграфа указывается на значимость в последние десятилетия изучения процессов коэволюции в эволюционной биологии в целом

и особенно в области этологии, экологии и популяционной генетики. Они доказали свою эвристичность при изучении формирования коммуникативных систем, где требуется совместная эволюция передающей и воспринимающей систем, при объяснении форм коммуникативного, совместного поведения общественных животных и т.д. Идея коэволюции, ещё вчера бывшая периферийной в эволюционизме, возникшая для объяснения симбиотических взаимоотношений, ныне всё более и более осознаётся в своей философской глубине и становится центральной для всего эволюционистского способа мысли. В различных отделах биологии начинают говорить о генно-культурной коэволюции, о совместной эволюции психики человека и социокультурной эволюции, о коэволюции природы и человека. В свете этого представляются и работы видных отечественных философов, в частности, труды Р.С.Карпинской, С.А.Никольского «Социобиология: критический анализ» и Р.С.Карпинской, И.К.Лисеева и А.П.Огурцова «Философия природы: коэволюционная стратегия». Однако главное внимание уделяется именно теории генно-культурной коэволюции, обоснованной и предложенной Ч.Ламсденом и Э.Уилсоном в их двух книгах «Гены, разум, культура: процесс коэволюции» и «Прометеев огонь: размышление о происхождении разума». Пытаясь преодолеть характерный для классической социобиологии «генетический» детерминизм, современная социобиология разработала гораздо более сложную, многоуровневую модель генно-культурных взаимодействий, которая опирается на следующие новые допущения:

1. Культура (и культурная эволюция) формируется специфическими, присущими только людям когнитивными механизмами.
2. Эти механизмы имеют генетическую природу, т.е. коренятся в генетических программах развития нервной системы, но они гораздо менее чувствительны к изменениям окружающей среды в широком диапазоне, нежели, чем создаваемые ими культурные феномены.

В этой связи подвергается обстоятельному анализу предложенная Ч.Ламсденом и Э.Уилсоном идея «эпигенетических правил», согласно которой в психике человека имеются некоторого рода врождённые ограничительные начала, генетически закреплённые естественным отбором, которые направляют наше когнитивное развитие, наше мышление, поведение и т.д. Эпигенетические правила напрямую зависят от ДНК, причём генетические изменения могут трансформировать как сами эти правила, так и отношения между ними. Распространение генетического кодирования на релевантные эпигенетические правила, по их мнению, было вызвано постоянно возрастающей (по крайней мере, с эпохи палеолита) зависимостью генов *Номо* от культуры. Ими оформлена классификация эпигенетических

правил на «первичные» и «вторичные», а также введено понятие «культургена». Культурген – это сконструированная социобиологами весьма условная единица культурной информации, – образ или конструкт – соответствующая какому-либо артефакту, поведенческому образцу, ментальной конструкции и т.д. Это может быть, например, религиозная или идеологическая концепция, правило морали и т.п. Эпигенетические правила, таким образом, предрасполагают к выбору некоторых направлений развития сознания, направлений развития культуры – только предрасполагают, а не однозначно детерминируют, это следует особо подчеркнуть. Словом, главная идея этой концепции может быть выражена в таких простых словах – ни гены, ни культура, отдельно взятые, не могли породить человеческого разума. Он является результатом «компактного соединения» генетической эволюции и культурной истории.

В полной корреляции с данными теоретическими постулатами в параграфе выстраивается выдвинутая Ч.Ламсденом и Э.Уилсоном модернизированная, усовершенствованная, более сбалансированная схема генезиса человеческой агрессивности. Суть её в том, что при сохранении исходного, данного ещё в рамках классической социобиологии, замысла толкования агрессивности как «концентрато-зависимого фактора» по контролю за ростом популяции, она более активно использует материал из сферы гуманитарного знания (скажем, этнографии, культурологии, политэкономии, истории) и подвергает его анализу при помощи задействования расчётов и методик математических моделей и методов биогеографии, доказавших свою состоятельность, по мнению социобиологов, при анализе более простых форм поведения, таких как формирования лексики базовой цветовой гаммы, вкусовых предпочтений, разного рода фобий, братско-сестринского инцеста и др. И в качестве пояснительного примера её пригодности и действенности Ламсденом и Уилсоном берётся материал из этнографических исследований Н.Шагнона по изучению образцов агрессивного поведения уже упомянутых индейцев племени яномамё, считающихся, кстати говоря, «самым свирепым народом» на нашей планете. Выделена специфика исторических, экономических и географических условий жизни яномамё, на точных математических моделях показана увязка роста их агрессивности, а также прослежена её трансформация по трём уровням (и на каждом указан свой психологически порог) в зависимости от конкретных социокультурных обстоятельств, и, в первую очередь, от роста численности популяции.

§2.4 Классическая социобиология по изучению человека и социобиологическая теория генно-культурной коэволюции в свете марксистской доктрины. В параграфе отмечается, что с уже указанных оборонительных эпистемологических, методологических и

мировоззренческих редутов отражалась «атака» и велось широкомасштабное «контрнаступление» сторонников марксизма в направлении вторгшегося с Запада нового и более изощённого идеологического противника – социобиологии. Тут тоже могут быть выделены как два лагеря защитников, так и две оборонительные платформы в рамках марксизма – всё те же, условно говоря, «более ортодоксальная» и «более умеренная». Их, разумеется, единили общность базовых мировоззренческих и идеологических взглядов, общность целей противостояния «агрессору» и задач его системной критики, но всё же разнил арсенал применяемых средств и методов ведения полемики, степень её накала и идеологизированности, а также общая тональность и выдержанность употребляемой дискуссионной лексики. Критика со стороны «более умеренной» позиции, без сомнения, отличалась большей тактичностью, большей взвешенностью, бóльшим вниманием к естественнонаучному материалу, содержащемуся в работах социобиологов, а также бóльшим проникновением в сам материал первоисточников.

В параграфе так же через фокусировку наличествующих двух оппонирующих подходов в рамках общей марксистской платформы проводится анализ как представляющих эти оба подхода работ, так и трудов самих социобиологов, в адрес которых эта критика была направлена. Анализируется преимущество как в исследовательской базе, так и в методологических установках классической социобиологии в сравнении с их этологическими аналогами, подчёркивается тиражирование во многом тех эпистемологических и методических просчётов и ошибок, чем страдали последние и что наследуют социобиологические изыскания, и на что, кстати говоря, никогда не забывали напоминать их марксистские «визави». Но при этом выделяются и указываются те действительные содержательные новации и те безусловные заслуги как естественнонаучного, так и общегуманитарного характера, что привнесла с собой социобиологическая исследовательская программа по изучению образцов социального поведения в целом и человеческой агрессивности – особым образом.

В параграфе констатируется, что теория генно-культурной коэволюции является безусловной новацией и последним достижением социобиологической мысли. Говоря же о ней с точки зрения критического анализа с позиции доктрины марксизма, необходимо упомянуть, что сколь-нибудь подробного и глубокого разбора со стороны приверженцев «ортодоксальной» платформы, по сути дела, и не было вовсе. Подобного, конечно, не скажешь о внимании и желании проникнуть и разобраться в сути данной теории со стороны идейных соратников «критически умеренной» позиции. В этой связи указываются коллективы авторов и соответствующие монографии отечественных философов, где

обстоятельно и весьма умело проводился критический анализ мировоззренческих и методологических оснований данного теоретического построения социобиологов.

Отмечается, что поворот социобиологии к идее коэволюции существенно модифицировал и объяснительные схемы эволюционной эпистемологии, которая всё более и более обращается к коэволюции как своему концептуальному базису. Дается взвешенный и детальный разбор введённой «новаторской» терминологии: эпигенеза, первичных эпигенетических правил, вторичных эпигенетических правил, понятия «культургена». Подчёркивается при этом о методологически недопустимом смешении в свете всех этих новаций двух традиционных понятий философской антропологии «разума» и мозга», попыткой подмены исторического и социокультурного подхода эволюционно-биологическим. Получается в контексте развёртывания теории генно-культурной коэволюции явно биологизированное изображение культуры, в котором исчезают её собственные черты, её разнообразие в различных временах и у различных народов. Один из множества аспектов, связанных с познавательной деятельностью человека, настолько абсолютизируется, что становится единственным.

Кроме этого в параграфе с рубежа усовершенствованной, «модернизированной», марксистской трактовки биосоциальной природы человека в отношении теории генно-культурной коэволюции представляется позиция не профессионального философа, а выдающегося отечественного этолога Е.Н.Панова. Немаловажно и то, что у Е.Н.Панова, биолога по образованию, взгляды на суть проблемы агрессивности вообще и человеческой в частности в немалой степени схожи и перекликаются с теми, что мы обнаруживали у социобиологов в рамках всё той же доктрины генно-культурной коэволюции. Перекликаются при этом настолько, что требуют даже аналогичных подтверждающих примеров. Речь идёт о жизнеописании практик ныне существующих сообществ охотников-собирателей в их проявлении агрессивных образцов поведения. В частности, тех же самых яномамё сельвы Амазонки. Но не только их: в работе активно обсуждается обширный материал, представленный такими известными этологами и этнографами, как М.Мид по исследованию агрессивности двух этносов Новой Гвинеи – мундугуморов и арапешей, Э.Эвансом-Причардом, который уделил особое внимание всевозможным формам конфликта в обществе африканских скотоводов – нуэров, а также отнюдь не потерявшие своей актуальности этнографические заметки по агрессивности папуасов Новой Гвинеи, собранные ещё Н.Н.Миклухо-Маклаем.

Глава III Проблематика агрессии человека в сфере современного социально-гуманитарного знания посвящена анализу того, как, в каких концептуальных формах

проблема человеческой агрессии, с учётом специфики общественных наук в сравнении с естествознанием, нашла своё отражение в различных отраслях того комплекса дисциплин, что традиционно относят к области социально-гуманитарных наук.

§3.1 «Фрустрационная модель» объяснения человеческой агрессивности

Дж.Долларда, Н.Миллера и др. Параграф начинается с констатации того положения, что бихевиористская традиция явила себя миру как своеобразная оппозиция психоаналитическому пониманию человеческой агрессивности как явлению интрапсихической природы. Был предложен подход, согласно которому, чтобы иметь не умозрительные предположения, а достоверное знание о человеческом поведении вообще и его агрессивности в частности, нужно произвести важный эпистемологический сдвиг – сосредоточить фокус нашего исследовательского внимания с неких «эфемерных» внутриспсихических феноменов на внешне фиксируемых детерминантах их возникновения. Бихевиоризм всегда стоял на том, что психология тогда только и обретёт статус действительно научной дисциплины, когда сможет выделить такой предмет своего исследования, который был бы подвластен процедурам эмпирической фиксации и объективного описания. Поскольку же бихевиористский подход определил в качестве основного предмета своего изучения различные формы поведенческих актов, то и их интерес к проблеме человеческой агрессивности был осознанно ограничен лишь сферой внешне наблюдаемого проявления агрессии. Базовая бихевиористская объяснительная для поведения схема «стимул→реакция», пройдя соответствующую экспериментальную «обкатку» выкристаллизовалась в модель «фрустрация→агрессия». А поскольку фрустрирующий фактор – это всегда фактор среды, то указанная модель приобретала и такое звучание: «специфика ситуации→агрессивное поведение». Тем самым агрессивный конфликт становился явлением, имеющим сугубо ситуационный характер.

В параграфе указывается, что первые разработки, сформировавшие линию по изучению агрессивных актов как реакцию на внешне регистрируемые стимулы, как раз и были те, что определили создание «фрустрационной модели» детерминации человеческой агрессии. Старт этим исследованиям был положен сериями экспериментов, произведённых в конце 30-х – начале 40-х годов прошлого столетия коллегами по Йельскому университету – Джоном Доллардом, Нилом Миллером и др. Эти исследования своей целью ставили изучение фрустрационных детерминант агрессивности, феноменов «сдерживания агрессии», «смещённой агрессии» и пр. Указанный в своих исследованиях Дж.Доллардом и Н.Миллером фактор социального научения агрессивному поведению впоследствии получил

дальнейшую разработку и развитие в теории Альберта Бандуры, а к социально-психологическому анализу этих феноменов обратился несколько позже Леонард Берковиц.

Социально-психологический срез конфликтной ситуации в контексте теории фрустрационных детерминант агрессивного поведения предстал в качестве всего лишь особой формы агрессивной реакции (непосредственной и косвенно проявляемой, сдерживаемой или подавляемой, направляемой прямо на «фрустратора» или смещённой на сторонний «эрзац-объект») в ответ на ситуативную фрустрацию. При этом первоначальное воззрение на фрустрирующую ситуацию как на помеху, препятствие в процессе достижения желанной цели было весьма расширено, так что теперь фрустрирующей ситуацией может полагаться и та, в которой индивидуум прямым участником вроде бы не является, но становится непосредственным очевидцем чьего-то агрессивного поведения, адресатом которого выступает другой индивид.

Отталкиваясь от базовых установок бихевиоризма, та или иная патология в поведении начинает интерпретироваться в качестве закономерного следствия соответствующего комплекса социально-культурных факторов, а именно – как результат научения неправильного, неадекватного или отклоняющегося от общепринятой нормы поведения. А это по факту девиантное поведение, в свою очередь, благодаря механизмам соответствующего социального подкрепления превращается в составную часть индивидуального «поведенческого репертуара». Следовательно, ключом в объяснении поведения личности, всех её поступков выступает поиск стимулирующих ситуативных факторов. И, соответственно, чтобы вникнуть в существо агрессивного поведения человека, необходимо, прежде всего, сконцентрироваться на факторах, провоцирующих чьё-то агрессивное реагирование, а также на факторах, способствовавших усвоению индивидом данного поведенческого образца и его закреплению.

В параграфе подчёркивается, что время (в смысле продолжавшихся исследований) не подтвердило тезис, утверждавший необходимую, неразрывную взаимосвязь между агрессией и фрустрацией, т.е. не подтвердило мнение о том, что агрессивная реакция непременно возникает в результате воздействия «фрустраторов», а фрустрация неминуемо приводит к агрессивному реагированию. Тем не менее, была бы неверной констатация, будто рассматриваемая теоретическая модель Долларда-Миллера была психологами и психотерапевтами напрочь отброшена. Более правильным было бы сказать так: впоследствии она была подкорректирована, дополнена и «надстроена». Кстати говоря, одним из инициаторов по пересмотру и доработке указанной модели выступил не кто иной, как

Альберт Бандура, плоды исследовательского труда которого рассматриваются в следующем параграфе.

§3.2 «Инструментальная модель» понимания агрессивности человека в контексте теории социального научения А.Бандуры. В параграфе отмечается, что сам А.Бандура называл иногда свой методологический подход «бихевиориальным», что весьма явственно показывает место занимаемой им позиции в бихевиористской традиции. С одной стороны, терминологическая семантика этого понятия указывает на приверженность принципиальным основам бихевиоризма Э.Торндайка, Д.Б.Уотсона и Б.Ф.Скиннера, но, с другой стороны, некоторое сознательное видоизменение этого термина со всей очевидностью свидетельствует об определённых немаловажных новациях, на которые претендовал Альберт Бандура. И действительно он, сохраняя и придерживаясь общей бихевиористской установки на принцип социального научения любым образцам поведения, тем не менее, полагал, что, когда речь идёт о поведении человека, не стоит так уж безоговорочно прилагать и употреблять к нему доказавшие свою эвристическую значимость на царстве животных познавательные приёмы и методы. Несколько иначе А.Бандурой трактуется и влияние социального подкрепления в процессе научения. Подкрепляющее воздействие рассматривается им, скорее, в качестве фактора, способствующего научению, а не его вызывающего. Тем не менее, несмотря на указанные частные нестыковки, всё же сама принципиальная установка на выделение необходимой роли социального подкрепления и его функционирование как важнейшей детерминанты и регулятора человеческого поведения А.Бандурой сохраняется, по сути, неизменной.

Нельзя не заметить ещё одну гносеологическую новацию новоявленной бихевиориальной методологии в сравнении с традиционной бихевиористской. Как подчёркивалось, традиционный бихевиоризм принципиально абстрагировался, умышленно выставляя «за скобки» своего рассмотрения не только некие неуловимые, «эфемерные» внутренние импульсы и стимулы как явно выпадающие из сферы феноменологии (а, значит, и объективной регистрации), но тем паче какие бы то ни было гормональные, биохимические и генетические детерминанты человеческого поведения. Так вот именно с Альберта Бандуры, пожалуй, можно усмотреть в мировой психологии отправную точку, когда специалист-гуманитарий явным образом совсем уж «не закрывает глаза», так сказать, а priori не дистанцируется от этой составляющей человеческого поведения. При этом справедливости ради следует указать, что всё это проводится в виде некоего «реверанса» как

дани уважения духу времени, чтобы это не могло помешать концептуальному развёртыванию если уж не бихевиористкой, так, по крайней мере, бихевиориальной линии.

А эта бихевиориальная линия в теории социального научения образцам агрессивного поведения А.Бандуры развёртывается посредством работы механизмов социального подражания и социального закрепления результатов этого подражания. В этой связи А.Бандура выделяет *научение через ответные последствия* и *научение через моделирование*, благодаря которым генезис человеческого поведения (в том числе и агрессивного) осуществляется посредством последовательно выстраиваемой системы механизмов социализации и закрепления в сознании индивида нормативно выработанных вариантов взаимодействия с другими индивидами. Следовательно, получается, что, согласно учению А.Бандуры, агрессивность по своей сути полностью инструментальна, это средство получения желаемого или избавления от неприятного. Таким образом, процесс социализации агрессивности включает воспитание у ребёнка способности реагировать на фрустрацию относительно приемлемым образом. Такое воспитание, естественно, никогда не бывает полностью успешным; иногда почти каждый взрослый может реагировать в импульсивной агрессивной форме. Однако всё же большинство научается избегать такой ситуации, так как она может привести к серьёзным последствиям как для самого субъекта, так и для объектов, на которые будет направлена эта агрессия.

§3.3 «Комбинированная», или «синтетическая», модель понимания человеческой агрессивности Л.Берковица, Р.Бэрона и Д.Ричардсон. Параграф начинается с пояснения того, что уже у Альберта Бандуры в создании его «инструментальной модели» объяснения человеческой агрессии на основе механизмов социального научения отчётливо выявилась тенденция по отходу от попыток преимущественно монофакторного понимания агрессивности и явного исследовательского смещения в сторону многофакторности и поликондиционализма. У него, правда, эти концептуальные многофакторность и поликондиционализм предстали всё же в несколько «усечённом» и лимитированном виде как сочетающие взаимодействие лишь двух фундаментальных составляющих – учёт комплекса причин, приводящих к фрустрации, и усвоение на основе процесса социализации путей выхода из неё в границах общественно приемлемого диапазона. Но сама идея прогресса психологического знания, увязываемая со значительным расширением сферы исследовательского интереса и поиска всё новых и новых агентов, участвующих в формировании мотивационной базы и движущих сил человеческой агрессии, довольно быстро нашла своих благодарных сторонников. Среди наиболее известных не просто идейных сподвижников и успешных реализаторов данного подхода к проблеме человеческой

агрессии, но и, безусловно, его усовершенствователей невозможно не назвать Леонарда Берковица, Роберта Бэрона и Дебору Ричардсон.

Следует отметить, однако, что все возможные преимущества возросшей «объективности» практически целиком нивелируются пусть одним, но очень крупным изъяном. Увеличение количества принимаемых в расчёт составляющих агрессивности, с одной стороны, в той же мере, но обратно пропорционально, уменьшают значимость каждой из них в отдельности, производя как бы в равнозначные, но малозначительные, а, с другой стороны, превращая предсказательный прогноз индивидуального поведения в дело не только малоперспективное, но почти безнадежное. Фактически же возросшая «объективность» оборачивается возросшим субъективизмом и релятивизмом. Термин «релятивизм» тут используется в общеупотребимом значении, а «субъективизм» в том смысле, что всё крайне индивидуально и всё крайне зависит от конкретного субъекта. А, значит, всё, что годится для одного, совсем даже не годится для другого, и всё, что может вызвать агрессию у одного, совсем не факт, что вызовет агрессию у другого. Более того, поскольку количество составляющих велико, поскольку все они оказывают непосредственное влияние на стимулирование и мотивацию агрессивности, и поскольку все они складываются не только в индивидуально неповторимую «мозаику», но и постоянно меняющийся «калейдоскоп», постольку даже у одного, конкретно взятого, индивида то, что ещё вчера или сегодня поутру могло вызвать агрессию, не факт, что вызовет после полудня. Получается так, что чем больше составляющих будем «втискивать» в объяснительную схему, тем меньше теоретичности в ней останется.

С учётом указанной гносеологической и методологической специфики даётся системный анализ тех концептуальных построений, в которых были реализованы теоретические подходы, толкующие феномен человеческой агрессии в работах Л.Берковица, Р.Бэрона и Д.Ричардсон. Проводится, в частности, обстоятельный разбор принимаемых ими базовых дефиниций – понятий «агрессия» и «агрессивность» – в сравнении с их этологической и социобиологической интерпретацией. Тем самым, выкристаллизовывается двуединая задача данного параграфа: во-первых, проследить, как осуществляется содержательное развёртывание этой самой «комбинированной», или «синтетической», модели, когда комбинируются, или синтезируются, факторы, могущие детерминировать человеческую агрессию, а, во-вторых, проанализировать, как в результате этой комбинации, или синтеза, теоретичность куда-то нивелируется, а релятивизм и «субъективизм» в той же мере проступает.

Проведённый же анализ позволяет утверждать, что представленная Леонардом Берковицем, Робертом Бэроном и Деборой Ричардсон «комбинированная», или «синтетическая», модель объяснения человеческой агрессивности, безусловно, является «новым словом» в области психологии по изучению означенной проблемы. Основная новизна тут в том, что в определённую «комбинацию», или «синтез», соединены и базовые мировоззренческие, методологические установки традиционного бихевиоризма, и «фрустрационная модель» Дж.Долларда и Н.Миллера, и усовершенствование А.Бандурой этой «фрустрационной модели» с более подробным и углубленным исследованием функционирования механизмов научения и социального закрепления его результатов, и весь многофакторный комплекс разного рода как внешнесредовых, так и внутренних (гормональных, биохимических, генетических) детерминант агрессивного поведения. До Л.Берковица, Р.Бэрона и Д.Ричардсон многие из этих провоцирующих агрессию факторов прежними исследователями серьёзно в учёт не принимались (в частности, кинематографа и масс-медиа) и совершенно точно не брались в такой их совокупности, что могло даже напоминать произвольную эклектику.

§3.4 Проблема человеческой агрессии в ракурсе разработок современной отечественной психологии. Параграф начинается с фиксации того факта, что современная отечественная психология эклектична. С одной стороны, российская психология является наследницей бывшей всемирно известной, мощной и авторитетной советской психологической школы Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурия, С.Л.Рубинштейна и др. А, с другой стороны, на ней, равно как и на всём социально-гуманитарном пространстве, не могли не сказаться грандиозные по своим масштабам разрушительные социокультурные события, связанные с крушением Советского Союза как мирового оплота марксистской философии, и соответствующие тому «тектонические сдвиги» в сфере идеологии. Идеология уже не довлела, но образовавшийся «вакуум» после устранения из отечественного социально-гуманитарного пространства марксистской идеологии стал медленно, но верно заполняться самыми разными западными «веяниями», в особенности «модными». А поскольку этих «веяний» было много и самых разных, то именно этим и объясняется наличествующая эклектика.

Отечественные психологи солидарны с их западными коллегами в том, что начинать свои рассуждения по вопросу человеческой агрессии надо с дачи ей дефиниции. А поскольку российские психологи отнюдь не претендуют на то, что в проводимых ими исследованиях они вырабатывают своё собственное, отличное от уже известных, определение агрессии, то пролог для их работы сводится к мысленному перебору и выбору из уже имеющихся

дефиниций. Стоит заметить при этом, что проблема дефиниции агрессивного поведения животных и человека является архиважной и архитрудной не только для психологии, но и для этологии и социобиологии как разделов эволюционной биологии. Но есть в этом и одно существенное отличие. Этологические и социобиологические разработки по проблеме агрессии, наследуя критерии и стандарты должной организации по канонам естественных наук, теми или иными дефинициями агрессии заканчиваются, а отнюдь не с них начинаются. Весь массив собранного и анализируемого эмпирического материала как раз и служит базой для разрешения этого ключевого вопроса. А психологи без предварительного значимого для них дефиниционного выбора дальше двигаться в своём исследовании не могут.

С этих гносеологических и методологических позиций анализируются работы многих российских психологов, поднимающих в своём творчестве проблему человеческой агрессивности. В частности, подвергается разбору статья Т.Г.Румянцевой, где вслед за автором даётся анализ наиболее известных толкований категорий «агрессия» и «агрессивность», а также осмысливается обосновываемая ей так называемая «нормативная модель» интерпретации человеческой агрессии. В том, что принципиально важно предварительно определиться с понятиями, Т.Г.Румянцевой вторит один из наиболее авторитетных российских психологов, занимающихся проблемой агрессивности человека, – А.А.Реан. Свою работу «Агрессия и агрессивность личности» он в полной корреляции с вышеотмеченным начинает с обоснования своего соответствующего выбора дефиниции и убеждении читателя в правильности осуществленного выбора. Ещё один важный методологический аспект проблемы агрессивности поднимает в своей работе А.А.Реан. Дело в том, что немалое число специалистов-гуманитариев, поднимающих её в своих изысканиях, употребляют понятия «агрессия» и «агрессивность» чуть ли не как синонимы. А это неверно. Немаловажно и то, что за различием терминов «агрессия» и «агрессивность» тянутся немаловажные следствия. Во-первых, не за всяким агрессивным действием индивида по факту стоит агрессивность как личностное свойство. И, во-вторых, агрессивность субъекта отнюдь не всегда находит своё выражение в том или ином агрессивном действии. Когда налицо агрессивное действие неагрессивного субъекта, то причиной его осуществления является специфика провоцирующей ситуации. Когда же перед нами агрессивное действие агрессивного субъекта, то верховенство, конечно же, остаётся за его личностными качествами.

В представительном психологическом сборнике «Агрессия у детей и подростков» под редакцией Н.М.Платоновой также буквально в самом начале подчёркивается, что различные исследователи предлагали разные определения агрессии, но ни одно из них, по мнению

составителей этого сборника, не может быть принято как исчерпывающее и общеупотребительное. Подвергается анализу выделение в психологии реактивной и проактивной агрессии. Реактивную агрессию считают как ответ на действительную или мнимую угрозу. Проактивную же агрессию, которую связывают с запугиванием, принуждением, инициирует зачинщик, чтобы удовлетворить свои личные интересы. Анализируется и представленный в данном сборнике взгляд на классификацию агрессии со стороны Ю.Б.Можгинского. Имеется в виду выделение им двух видов патологической агрессии – психотической и трансформированной.

Ещё в одном представительном в параграфе сборнике «Агрессия и психическое здоровье» разбирается позиция Т.Б.Дмитриевой относительно базовых категорий, а также взгляд Б.В.Шостаковича и В.В.Горина на человеческую агрессию как на своеобразный способ саморегуляции. Анализируется также позиция Ф.С.Сафуанова, проведшего связь антисоциального поведения с такими широко используемыми в психологии и психиатрии понятиями как «психотизм», «нейротизм», «экстраверсия» и «интроверсия». Осмысливается подход, предложенный Г.Э.Бреславом, связывающий криминальную агрессивность с физиологией стресса. Дается обстоятельный анализ работам таких известных российских психологов, как Е.О.Смирнова, Г.Р.Хузева, А.К.Осницкий, М.В.Алфимова и В.И.Трубников.

В завершении параграфа отмечается, что современная отечественная психология в целом сохраняет специфику свойственного всей мировой психологии подхода к изучению феномена человеческой агрессии как явления, имеющего под собой преимущественно социально-культурную природу. В работах российских психологов отчетливо зримо следование устоявшейся не только в западной, но и всей мировой психологии традиции рассматривать образцы человеческого поведения (в том числе и его агрессивности) как производных всего комплекса факторов социального научения и закрепления этого опыта в императивно-нормативных формах человеческого общественного гомеостаза.

§3.5 Природа человеческой агрессии как принципиальная проблема социологии девиантного поведения. Параграф начинается с терминологического уточнения понятий «девиантный» и «делинквентный», весьма активно используемых в данной отрасли социально-гуманитарного знания.

Далее отмечается, что проблема человеческой агрессивности наиболее обнажено и рельефно выступает в сфере девиантного и делинквентного поведения. Преступность – это «теневая», «оборотная» сторона функционирования социума, мотивация, источники и механизмы которой чрезвычайно вариабельны, многофакторны и многоуровневы. При этом

не стоит забывать, что роль первейшего локомотива многих страстей человеческих в деле реализации антиобщественных поступков играет он же – импульс агрессивности. Так врождён он или нет, и насколько компетентен социум со всем его воспитательно-образовательным арсеналом если уж и не в устранении его позывов, так, по крайней мере, в резонной его сублимации? От того или иного ответа будет во многом зависеть не только выстраивание теоретических выкладок криминалистов и правоведов, но программироваться намётка линий практического действия по искоренению этой «заразы» и упорядочиванию межличностных отношений.

В этой связи вспоминается «ломброзианство» и «неоломброзианство», а также наделавшие много шума и вызвавшие бурные философские баталии в 60-70-х годах XX века исследования по индуцированию повышенной агрессивности дополнительной Y-хромосомой. Не могли, разумеется, обойти стороной эту тематику и отечественные учёные и философы. В первой части параграфа в качестве «пищи» для анализа взяты два источника – книга Н.П.Дубинина, И.И.Карпец и В.Н.Кудрявцева «Генетика, поведение, ответственность» (подзаголовок которой, кстати говоря, «О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения») и знаменитая статья В.П.Эфроимсона «Родословная альтруизма», которая, как ни парадоксально, лишь в малой степени посвящена действительно альтруизму, а в гораздо большей степени связи генетики с агрессивностью, антисоциальным и криминальным поведением.

А далее, держа в памяти тот факт, что ещё советской философской школой была заложена традиция и накоплен богатый опыт критического анализа теоретических разработок в сфере социологии девиантного поведения, в параграфе проводится аналогичная работе с трудами современных российских авторов. Подвергаются скрупулёзному анализу работы таких специалистов по социологии девиантного поведения, как В.С.Журавлёв, А.Ю.Дроздов, И.Б.Бойко, Ю.М.Антонян.

В завершении параграфа указывается, что социология девиантного поведения личности занимает особое и в определённом смысле незаменимое место в общем комплексе социально-гуманитарных наук, ставящих в центр своего внимания проблему человеческой агрессии. Спектр и диапазон социологических приложений в изучении агрессии человека весьма широк и вариативен: сюда входят социально-психологические аспекты и половозрастных, и расовых, и этно-национальных особенностей проявлений агрессии, сюда входят и социокультурные детерминанты, обуславливающие процесс научения агрессии в рамках данного сообщества, сюда входят и идеолого-политические факторы, стимулирующие агрессию в зависимости от того или иного социально-экономического

уклада, от той или иной формы государственного правления, политического режима, состояния войны или мира, от той или иной социальной стратификации и пр. Но при всей незаменимости в силу своей специфики все социологические приложения – всё же стоит признать это – не могут (да, собственно, и не претендуют на это) проникать в суть объяснительной базы внутренних мотивационных импульсов и механизмов активации агрессии, которые происходят на индивидуально-личностном уровне.

§3.6 Агрессивность человека как ключевой вопрос новой отрасли социально-гуманитарного знания – биополитики. В параграфе отмечается, что именно в биополитике, как ни в какой другой из современных отраслей социально-гуманитарного знания, наиболее рельефно и зримо отразилась актуальная тенденция последних десятилетий необходимости синтеза общественных и естественных наук. Именно биополитика, пожалуй, наиболее полно воплотила в себе гносеологический «дух времени» – потребность интеллектуалов всего мира в объединении усилий учёных-гуманитариев и учёных-естествоиспытателей перед лицом тех вызовов, с которыми столкнулось человечество на исходе XX – начала XXI века. Указывается при этом, что есть все основания говорить об устаревшем, тянущемся «шлейфом» из прошлого и позапрошлого столетий, смысловом значении этого термина и новопрданном его аналоге последних десятилетий. Под биополитику в прошлом её понимании вполне подходили те дискредитировавшие себя политические решения и программы, которые планировались и проводились в жизнь на основе расистских и социал-дарвинистских теорий, идеологии нацизма и шовинизма. Даётся современное смысловое наполнение данного термина, приданное ему американским политологом Линтоном Кондуэллом.

В параграфе поясняется ещё один важный момент. По своим программным целям и задачам по объединению для перспектив человечества сфер социально-гуманитарного и естественнонаучного знания, равно как и по своему эпистемологическому базису в виде средств и методов этологии, экологии и популяционной генетики, биополитика имеет много общего с социобиологией человека. Но есть всё же одно существенное отличие. Как подчёркивалось, когда рассматривали социобиологические изыскания по проблеме агрессивности, заявленная Э.О.Уилсоном и поддержанная его соратниками и последователями программная цель синтеза «двух культур», т.е. естественных и общественных наук, должна была осуществляться на основе безусловного примата и ведущей роли естествознания. Общественным наукам предлагалось модернизироваться, усовершенствоваться, так сказать, в позитивистском стиле «очиститься» от метафизики, и предпринять усилие встроиться в эпистемологический «мейнстрим» сциентизма. В

биополитике же не совсем так, даже, скорее, совсем не так: там желаемый синтез пытаются реализовать если уж и не с явным доминированием его социально-гуманитарной составляющей, так, по крайней мере, на паритетных началах.

В свете всего этого в параграфе представляются и анализируются две фундаментальные работы ведущего российского специалиста в области биополитики А.В.Олескина – «Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты» и «Biopolitics: The Political Potential of the Life Sciences». По ходу проводимого анализа рассматриваются также позиции по различным аспектам биополитики таких зарубежных авторов, как М.Грутер, П.Корнинг, Д.Г.Майерс, А.Такахаши и др.

В завершении параграфа констатируется следующее: биополитика, являясь, безусловно, «новым словом» и ставшая по факту новой отраслью социально-гуманитарного знания, с успехом сумела привести в единый синтез как наследие сферы естествознания, так и наследие наук общественных. Поставив в центр своего рассмотрения мир людей во всём комплексе их политических и социальных взаимодействий и соответствующих им институтов, биополитика со значительной долей эвристики смогла ассимилировать научно-эмпирическую и теоретическую базу всей эволюционной биологии и экстраполировать её выводы применительно к человеку и формам его жизнедеятельности. И это прямым и непосредственным образом касается и проблемы человеческой агрессивности.

§3.7 Феномен агрессии как ключевой элемент теории А.П.Назаретяна о нелинейном развитии Мегаистории. В параграфе объясняется, что более чем 20-летний итог напряжённой и плодотворной работы А.П.Назаретяна завершился созданием грандиозной теории, представленной в его книге, ставшей уже бестселлером – «Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании». Необходимо указать, что теория эта являет собой неразрывный синтез, симбиоз естествознания и всего комплекса социально-гуманитарных дисциплин. В качестве естественнонаучного базиса в ней берутся данные из сферы астрофизики, космологии и синергетики. Чрезвычайно важным и значимым при этом является то, что «краеугольным камнем» данной грандиозной концепции и её «красной» связующей нитью, пронизывающей всё её содержание от постановки проблемы до поиска средств её разрешения, выступает как раз не что иное, как исследование феномена агрессивности.

Согласно теории А.П.Назаретяна, феномен агрессивности заложен в самом фундаменте эволюции жизни на нашей планете. Жить – значит, разрушать в том смысле, чтобы поглощать накопленную энергию, сконцентрированную в телах других организмов,

при этом самому не становясь пищей для других. Более того, по А.П.Назаретяну, эволюция жизни на нашей планете шла по принципу усиления интеллектуализации биосферы. Верхние этажи её организации характеризуются тем, что жизнеспособность живых существ, на них находящихся, определена не только и даже не столько тем, насколько усилена их мышечная энергетика, сколько той степенью ёмкости и динамичности отражения окружающей среды, на которую они способны. А это предполагает возможность добывать чужую свободную энергию при минимальных затратах своей, что, в свою очередь, осуществляется за счёт лучшего умения более дальнего и точного «просчёта» и «прогноза» будущих событий. Та что, получается, что интеллект по одной из своих первичных функций – *инструмент агрессии*. Но вместе с тем он и *инструмент экономии агрессии*, поскольку обеспечивал достижение целей активности меньшими энергетическими затратами.

Но в природном мире всё радикально изменилось с появлением и эволюцией гоминид. Развитие их интеллекта, сопряжённое с орудийной деятельностью, усиливается кооперацией и вербальной коммуникацией, превратило их, по образному выражению А.П.Назаретяна, не только в покорителей природы, но и в высшей степени «причудливое» и опасное существо – «голубя с ястребиным клювом». Имеется в виду невообразимо возросшая мощь искусственно созданных вооружений при отсутствии эволюционных сдерживателей убийства себе подобных. Тут, конечно, прямая связь позиции А.П.Назаретяна со взглядами К.Лоренца.

Однако – и это принципиально важно – отсутствие естественных сдерживателей человеческой агрессии было компенсировано эволюционно выработанным законом, названным А.П.Назаретяном «законом техно-гуманитарного баланса». Согласно этому закону, существует общесоциологическая зависимость между тремя переменными – силой, мудростью и выживанием: чем мощнее технологии, тем более качественные средства сдерживания необходимы для сохранения социальной системы. При этом неоднократно осуществляемый фазовый переход в истории биосферы от одного её качественного состояния к другому происходил при непосредственном воздействии на ситуацию так называемого «странного аттрактора», позволяющего производить вертикальный «скачок» всей системы на более высокий уровень её развития. Но является вполне возможным и даже более вероятным и другой ход развития событий, когда фазовый переход осуществляется по сценарию так называемого «простого аттрактора», означающий быструю редукцию антропосферы в биосферу, а биосферы в состояние термодинамического равновесия со средой, что означает превращение планеты Земля в нормальное космическое тело, наподобие Луны или Марса.

Теоретическое построение данной концепции заканчивается предсказанием грядущего уже где-то в середине XXI столетия нового чрезвычайно значимого для человечества прохождения очередной точки бифуркации. Автор ссылается в этой связи на расчёты, произведённые независимо друг от друга учёными из Австралии, США и России. Согласно А.П.Назаретяну, если вновь спасительный «странный аттрактор» вступит в действие, то он выведет человечество в некую неведомую реальность, и это будет событие, по своей значимости сопоставимое с возникновением жизни на планете. Причём работа этого «странного аттрактора» опять будет в русле действия того самого «закона техно-гуманитарного баланса».

Завершается параграф рассмотрением ещё двух аспектов проблемы человеческого насилия и агрессии, которые также были объектом философских интересов А.П.Назаретяна.. Это спецификация феномена человеческой агрессии в ситуации толпы и массового психоза, а также его увязка с проблемой терроризма.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы, вытекающие из содержания работы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Пилецкий С.Г. Каиново наследство, или опыт изучения человеческой агрессивности. Москва: URSS. 2015, 620 с.
2. Пилецкий С.Г. Дюжина дум о недюжинном. ООО Аверс-Плюс. Ярославль. 2010. 220 с.
3. Пилецкий С.Г. Третий Рим, или ностальгия по будущему. ООО «Аверс-Плюс. Ярославль. 2009. 136 с.
4. Пилецкий С.Г. О мести и её месте в жизни человеческой. ООО Аверс-Плюс. Ярославль. 2008. 556 с.

Журналы, включённые в «Перечень российских рецензируемых журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук»:

1. Пилецкий С.Г. Парадокс Прометея// Вопросы культурологии. 2015, №7, 0,5 п.л.
2. Пилецкий С.Г. О мании успеха и фетише успешности// Вопросы культурологии. 2014, №11, 0, 5 п.л.
3. Пилецкий С.Г. Г.В.Ф.Гегель о статусе мести и возмездии// Вестник Орловского государственного университета. 2014, №3, 0,5 п.л.
4. Пилецкий С.Г. Френсис Бэкон о мести и возмездии// Вестник Орловского государственного университета. 2014, №2, 0,5 п.л.
5. Пилецкий С.Г. О смехе не в шутку, а всерьёз// Вопросы культурологии. 2014, №1, 0,5 п.л.
6. Пилецкий С.Г. Аврелий Августин о мести и возмездии// Вестник Русской Христианской гуманитарной академии. 2013, №4, 0,7 п.л.
7. Пилецкий С.Г. Этологическое видение человеческой агрессивности// Вестник Бурятского государственного университета. Серия: философия, социология, политология, культурология. 2013, №6, 0,7 п.л.
8. Пилецкий С.Г. О сути «импульс-разрядной» модели человеческой агрессивности// Вопросы культурологии. 2013, №4, 0,5 п.л.
9. Пилецкий С.Г. Усовершенствование И.Эйбл-Эйбесфельдтом классически-этологической модели толкования человеческой агрессивности// Вестник Орловского государственного университета. 2013, №3, 0,6 п.л.
10. Пилецкий С.Г. Вклад работ Н.Тинбергена в анализ образцов агрессивного поведения// Вестник Орловского государственного университета. 2013, №2, 0,5 п.л.

11. Пилецкий С.Г. Человеческая агрессивность через призму социобиологии// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: гуманитарные науки. 2013, №2, 0,6 п.л.
12. Пилецкий С.Г. Исследование агрессивности: классический взгляд К.Лоренца// Вестник Орловского государственного университета. 2013, №1, 0,6 п.л.
13. Пилецкий С.Г. О Боге, который есть любовь// Вопросы культурологии. 2013, №1, 0,5 п.л.
14. Пилецкий С.Г. Пьер Абеляр о мести и возмездии// Вестник Омского государственного университета. 2012, №3, 0,4 п.л.
15. Пилецкий С.Г. А.Шопенгауэр о чести, мести и возмездии// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: гуманитарные науки. 2012, №4, 0,6 п.л.
16. Пилецкий С.Г. И.Кант о мести и возмездии// Вестник Бурятского государственного университета. Серия: философия, социология, политология, культурология. Выпуск 6а, 2012, 0,5 п.л.
17. Пилецкий С.Г. Сравнительный анализ этологического и социобиологического подходов к исследованию человеческой агрессивности// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012, №8 (22), Часть 2, 0,5 п.л.
18. Пилецкий С.Г. Мировоззренческая значимость концепции Конрада Лоренца об агрессивности// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012, №8 (22), Часть 1, 0,5 п.л.
19. Пилецкий С.Г. Эразм Роттердамский о мести и возмездии// Вестник Орловского государственного университета. 2012, №8, 0,5 п.л.
20. Пилецкий С.Г. Идея возмездия и учение Лукиана из Самосаты// Вопросы культурологии. 2012, №10, 0,5 п.л.
21. Пилецкий С.Г. Мартин Лютер о мести и возмездии// Вестник Орловского государственного университета. 2012, №3. 0,5 п.л.
22. Пилецкий С.Г. Фома Аквинский о мести и возмездии// Вестник Бурятского государственного университета. Серия: философия, социология, политология, культурология. 2012, выпуск 6, 0,5 п.л.
23. Пилецкий С.Г. Клод Адриан Гельвеций о мести и возмездии// Вестник Орловского государственного университета. 2012, №2, 0,5 п.л.

24. Пилецкий С.Г. Дени Дидро о мести и возмездии// Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012, №1, 0,5 п.л.
25. Пилецкий С.Г. Альтруизм: феномен с генетической родословной// Полигнозис. 2011, №2, 1 п.л.
26. Пилецкий С.Г. Э.О.Уилсон о роли аналогии в познании// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012, №3, 0,5 п.л.
27. Пилецкий С.Г. Г.В.Лейбниц о мести и возмездии// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: гуманитарные науки. 2012, №1, 0,7 п.л.
28. Пилецкий С.Г. Рене Декарт о статусе мести// Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012, №3, 0,4 п.л.
29. Пилецкий С.Г. Йохан Хейзинга о мести и возмездии// Вестник Орловского государственного университета. 2012, №1, 0,7 п.л.
30. Пилецкий С.Г. Идея возмездия и эволюция взглядов И.А.Ильина// European Social Science Journal. 2012, №1, 0,6 п.л.
31. Пилецкий С.Г. Идея возмездия в творчестве Ф.Ницше// Вестник Русской Христианской гуманитарной академии. 2012 №1, 0,7 п.л.
32. Пилецкий С.Г. Вольтер о мести и возмездии// Философия социальных коммуникаций. 2012, №2, 0,7 п.л.
33. Пилецкий С.Г. Ансельм Кентерберийский о возмездии// Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011, №8, 0,4 п.л.
34. Пилецкий С.Г. Поль Анри Гольбах о возмездии и справедливости// Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011, №4, 0,5 п.л.
35. Пилецкий С.Г. Шарль Луи Монтескье о мести и возмездии// Перспективы науки. 2011, №11, 0,5 п.л.
36. Пилецкий С.Г. Жан-Жак Руссо о мести и возмездии// Наука и бизнес: пути развития. 2011, №6, 0,5 п.л.
37. Пилецкий С.Г. Э.О.Уилсон о дисциплине и антидисциплине// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012, №2, 0,5 п.л.
38. Пилецкий С.Г. О непротивлении «непротивленцам»// Этносоциум и межнациональная культура. 2012, №1 (43), 1,2 п.л.
39. Пилецкий С.Г. Мечь и возмездие: от семантики к социальной философии// Полигнозис. 2011, №3-4, 1 п.л.

40. Пилецкий С.Г. Людвиг Фейербах о мести и возмездии// Перспективы науки. 2011, №9 (24), 0,4 п.л.
41. Пилецкий С.Г. Джон Локк о мести и возмездии// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011, №7 (13), 0,5 п.л.
42. Пилецкий С.Г. Мифология неолиберализма: гомеопатия лукавства// Наука и бизнес: пути развития. 2011, №5, 0,5 п.л.
43. Пилецкий С.Г. Тема мести и возмездия в творчестве Т.Гоббса// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011, №6 (22), часть 3, 0,5 п.л.
44. Пилецкий С.Г. К вопросу об объективной истине// Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011, №1, 0,7 п.л.
45. Пилецкий С.Г. Время собирать камни// Этносоциум и межнациональная культура. 2011, №6, 1,2 п.л.
46. Пилецкий С.Г. Бенедикт Спиноза о статусе мести// Наука и бизнес: пути развития. 2011, №4, 0,5 п.л.
47. Пилецкий С.Г. Метафизика зла В.С.Соловьёва// Вестник Воронежского государственного университета. 2011, №1, 0,7 п.л.
48. Пилецкий С.Г. Платон о возмездии // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. №2. 0,4 п.л.
49. Пилецкий С.Г. О тяге к успеху и о тяжести успеха // Вестник Военного университета. 2011. №2 (27) . 1 п.л.
50. Пилецкий С.Г. Homo & Serpentis: парадоксальный тандем биофильного существования// Вопросы культурологи. 2011. №6. 0,5 п.л.
51. Пилецкий С.Г. Аристотель о мести и возмездии// Перспективы науки. 2011. №6, 0, 4. п.л.
52. Пилецкий С.Г. Смутная память саванны, или ещё одна биофилическая черта// Вопросы культурологи. 2011. №4. 0,5 п.л.
53. Пилецкий С.Г. Мечь и возмездие: эволюция бесчестия // Этносоциум и межнациональная культура. 2011. №2 (34). 1 п.л.
54. Пилецкий С.Г. Суды присяжных: иллюзия непредвзятости и явь непрофессионализма // Социологические исследования. 2011. №3. 0,7 п.л.
55. Пилецкий С.Г. Суды присяжных: парад несбывшихся надежд // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2011. №1. 0,7 п.л.

56. Пилецкий С.Г. Смертная казнь: тревожная дума философствующего апологета // Вестник Военного университета. 2010. №4 (24) . 0,8 п.л.
57. Пилецкий С.Г. О мудрости, дурман рассеивающей // Философия и общество. 2011, №1, 1 п.л.
58. Пилецкий С.Г. Этический трансцендентализм В.С.Соловьёва: торжество воскрешения // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. №12. 0,4 п.л.
59. Пилецкий С.Г. Идея возмездия и учение В.С.Соловьёва // Соловьёвские исследования. Периодический сборник научных трудов. Вып. №3 (27) 2010. 0,6 п.л
60. Пилецкий С.Г. О суффражистках, феминистках и иже с ними... // Вопросы культурологии. 2010. №9. 0,5 п.л.
61. Пилецкий С.Г. Мечь и возмездие: социальная эволюция с обратной связью // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. №2. 0,8 п.л.
62. Пилецкий С.Г. Размышления о свободе» // Вопросы философии. 2010. №10. 0,5 п.л.
63. Пилецкий С.Г. Эволюционный взгляд на гомосексуальность: опыт междисциплинарного исследования// Вопросы культурологии. 2010, №7, 0,5 п.л.
64. Пилецкий С.Г. Мечь и возмездие: от семантики к социальной философии// Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. №6. 1п.л.
65. Пилецкий С.Г. Смертная казнь: варварство или справедливость? // Социологические исследования. 2010. №6. 0,8 п.л.
66. Пилецкий С.Г. Апология мести как контрапункт учению Э.Фромма о деструктивности» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. №3. 0,7 п.л.
67. Пилецкий С.Г. Идея мести и учение Н.Макиавелли // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. №3. 0,7 п.л.
68. Пилецкий С.Г. Немилосердное слово павшей, падшей мифологеме // Вопросы культурологии. 2010. №3. 0,5 п.л.
69. Пилецкий С.Г. Теодицея В.С.Соловьёва // Религиоведение. 2010. №2. 0,6 п.л.
70. Пилецкий С.Г. О времени в нас и о нас во времени // Аспирантский вестник Поволжья. 2009. №5-6. 0,5 п.л.
71. Пилецкий С.Г. В поисках Атлантиды» // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2009. №5, 0,8 п.л.
72. Пилецкий С.Г. Мысли о любви // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Том 4: философия, социология, культурология. 2009. №4, 0,7 п.л.

73. Пилецкий С.Г. Анатомия демократии: афинский прецедент // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2009. №4. 0,8 п.л.
74. Пилецкий С.Г. Коррупция в России: убить или приручить Минотавра // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. №6 (22). 0,8 п.л.
75. Пилецкий С.Г. О вредоносной сути так называемой политкорректности // Вопросы культурологии. 2009. №11. 0,5 п.л.
76. Пилецкий С.Г. Феномен человеческой агрессивности // Вопросы философии. 2008/ № 10. 1 п.л.
77. Пилецкий С.Г. Истоки альтруизма // Vivos Voco: Человек. 1999. № 1. 1 п.л.
78. Пилецкий С.Г. Человек и змея: мифо-поэтический аспект биофилии // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1994. №3. 0,6 п.л.
79. Пилецкий С.Г. Почему ворон ворону глаз не выклюет... // Человек. 1994. №1. 0,7 п.л.

Иные российские научные издания и материалы научных конференций:

1. Пилецкий С.Г. О порочной натуре демократии: аристотелевский вариант // *Biocosmology – Neo-Aristotelism*. volum 4, number 4, autumn 2014, 0,7 п.л.
2. Пилецкий С.Г. О мести, чести и бесчестии // Философия и общество. 2014, №2, 0,7 п.л.
3. Пилецкий С.Г. Время в контексте этики сохранения // Энергия, экология, экономика, техника. 2014, №2, 0,5 п.л.
4. Пилецкий С.Г. Агрессия человека: от этологии к социобиологии // Энергия: экология, экономика, техника. 2013, №6, 0,7 п.л.
5. Пилецкий С.Г. Анатомия мздоимства: история и современность // Философия и общество. 2012, №2, 0,7 п.л.
6. Пилецкий С.Г. Мировоззренческая значимость концепции К.Лоренца об агрессивности // Актуальные вопросы медицинской науки. Сборник научных работ сотрудников Ярославской государственной медицинской академии, посвященный 65-летию ЯГМА. Ярославль. 2009. 0,4 п.л.
7. Пилецкий С.Г. Личность – Культура – Творчество: специфика философского анализа // Человек в контексте эпохи. Личность. Культура. Образование. Материалы Всероссийской научной конференции. Ярославль. 2008. 0,3 п.л.
8. Пилецкий С.Г. Мы с тобой одной крови // Русский путь. 2003, № 2, 0,7 п.л.
9. Пилецкий С.Г. Культура и цивилизация: специфика сугубо философского подхода // Культура и цивилизация. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург. 2001. 0,3 п.л.

ПИЛЕЦКИЙ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

**ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК АГРЕССИВНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ**

Специальность: 09.00.08 – философия науки и техники

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

доктора философских наук

Подписано в печать